

Юрий НИКИТИН
Марго ГЕНЕР



МЕЧ ТОМАСА

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА
ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ИДДК

Юрий Никитин

**Трое из Леса
возвращаются. Меч Томаса**

«ИДДК»

2023

Никитин Ю. А.

Трое из Леса возвращаются. Меч Томаса / Ю. А. Никитин —
«ИДДК», 2023

Всегда найдутся те, кому подавай власть над миром. Они не гнушаются ничем, чтобы достичь цели. На сей раз им понадобился знаменитый чудомеч, который служил то ли древнему рыцарю Томасу, то ли его рыжеволосому спутнику. Но на дворе уже век дилижансов, и от всеильной магии следов не отыскать. Пастырь, он же волхв, вынужден выйти из раздумий о великом и пуститься в путь, чтобы спасти новый мир, который уже распахнул дверь и готов войти. Правда его приходу мешают, ой как мешают.

© Никитин Ю. А., 2023

© ИДДК, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юрий Никитин, Марго Генер

Трое из Леса возвращаются. Меч Томаса

© Никитин Юрий, Генер Марго

© ИДДК

* * *

Глава 1

Корабль отчалил от пристани, истерзанные временем паруса надулись потоком ветра, а вечернее солнце разлило красное золото по парусине. С берега еще слышны бойкие команды матросов, гогот и шум, но скоро они прекратятся и над пристанью будут орать только чайки, которые, как известно, всегда голодные. Олег вздохнул и поскреб ногтями грудь, загремели на веревочках оставшиеся амулеты, волчовка распахнулась. Телу приятно под ласковыми лучами весеннего солнца, в таком положении можно долго созерцать горизонт и погружаться в думы о бытии и людских душах.

Они голодные, вечно голодные. Сколько времени прошло, а ничего не поменялось. Как и прежде, всем надо хлеба и зрелищ, да побольше. И желательно, чтобы у соседа при этом стало поменьше, а значит, придется отобрать и присвоить.

Послышался грохот колес о мостовую, свист и шелканье кнута. Олег напрягся. За долгие годы странствий он успел понять – такие звуки говорят, что наездник или пассажир очень торопится, а спешка бывает по двум причинам – убегать или догонять. Ни то, ни другое спокойствия не предвещает, а ему самое время предаваться думам на лавке. С тех пор, как он вышел из леса, утекло много воды, битвы и странствия закалили тело, нарастили мышцы, организм стал крепким и выносливым, ни одна зараза не пристанет. А если пристанет – сама издохнет. Больше и желать нечего, все красавицы мира сами падают в объятия, мужчины смотрят с завистью и уважением, а короли склоняют головы в почтении. Но вот ум требует больше, шире, глубже. Дознаться до сути всего, ответить на главный вопрос.

Грохот колес и свист приближались, через пару мгновений из-за угла вылетел дилижанс, кони взмыленные, вороние гривы стелются по ветру, а возница приподнялся на козлах, свистит и машет кнутом. Дилижанс пронесся мимо Олега, грохоча колесами о деревянный пирс. На такой скорости он должен был сорваться в воду, но возница успел закричать «тпр-ру!» и натянуть поводья. Кони вздыбились и остановились на самом краю причала.

Дверца дилижанса распахнулась, из него выпрыгнула невысокая женская фигурка в пышном платье и в шляпке, которая абсолютно не скрывает убранных наверх темных волос. Девушка пробежала до самого края пристани и прокричала вслед уходящему кораблю:

– Стойте! Подождите! Я еще здесь!

Возница в это время проявил чудеса сноровки и мастерства, разворачивая дилижанс на узком пятачке пристани, он крикнул девушке:

– Уговор, мисс! За спешку двойную сумму. Как улаживались.

Та обернулась, взгляд растерянный, но губы сжаты в тонкую полоску, а значит, торопливо думает. Она закивала и, подойдя к извозчику, стала рыться в дамской сумочке.

– Да-да, конечно, – с напряженной торопливостью проговорила она. – Как и улаживались. Вот ваши деньги.

Она протянула вознице мошну, тот наклонился и цепко подхватил мешок, губы растянулись в довольной улыбке, он подкинул мошну и убрал в карман.

– Приятно иметь с вами дело, мисс, – хмыкнул он.

Корабль уходил все дальше в море, девушка снова бросила на него испуганный взгляд, потом спросила извозчика, покосившись на Олега, который в потрепанной волчовке, старых портках и с повисшими сосульками рыжими волосами пугает и внушает трепет:

– Может, вы отвезете меня обратно? Уже поздно, а я не успела на корабль. На пирсе одной мне оставаться небезопасно, я была бы признательна, если бы вы отвезли меня к постоялому двору.

Интереса эти двое у Олега вызвали примерно столько же, сколько муха, которая назойливо пытается сесть ему на лоб, поэтому он вяло отмахивается и смотрит на морскую даль, пытаюсь сосредоточиться на мыслях.

– Да без вопросов, мисс. Любой каприз за ваши монеты, – сказал возница и хлопнул себя по карману, там многозначительно звякнуло.

– Сэр, я отдала вам все, что было, – сжав побледневшими пальцами сумочку, сказала девушка. – Но обещаю, вы получите ваши деньги, как только я доберусь до постоянного двора.

Улыбка возницы тут же исчезла, он покачал головой.

– Э, нет, мисс. Сперва деньги, потом услуга.

Девушка возмутилась:

– Но я же вам сказала, что сейчас их у меня нет!

Возница развел руками и проговорил:

– На нет и суда нет, мисс. Бывайте.

И, дернув поводьями, пустил дилижанс по пирсу мимо Олега в сторону города. Экипаж исчез, а девушка продолжала стоять на причале и нервно мять сумку. Олег отвернулся и стал разглядывать чаек, те парят над водой, красиво раскинув крылья, время от времени пикируют в морскую рябь, а выныривают уже с рыбой в клювах. Естественный процесс – выживание, а для него надо немного. Поест побольше, размножиться побольше. Вот и вся животная натура. Но человек ведь не просто животное, а может, и животное, но не простое. Ему надо не только набить брюхо. Если он, конечно, человек, а не зверь в портках...

Муха укусила в щеку больно и неожиданно, Олег хлопнул себя по лицу, надеясь попасть по назойливой твари, но крылатая заноза увильнула и с победным жужжанием улетела в закат. Олег огляделся – пирс опустел, солнце окунуло золотистый край в воду, залило оранжевым цветом море и облака. Крики чаек стихли, самое хорошее время, чтобы возлечь на лавку, устремив очи к звездам и мыслить.

Он развернулся, чтобы улечься поудобнее, но в этот момент со стороны улиц, на которых уже темно, донесся женский крик. За время, что Олег пребывает на острове, криков наслушался столько, что перестал обращать внимание. И все же сейчас внутри стало тревожно. Не то чтобы его тревожила судьба девицы, сколько их таких прямо сейчас в городе орет, но нутро заворочалось, и Олег, недовольный, что потревожили в благочестивых раздумьях, поднялся со скамейки и пошел на крики.

В переулке, как и ожидал, нашел ту самую молодую женщину в окружении пяти громил, рядом с которыми она кажется тростинкой. Громилы звероватые, неопрятные и с куцыми мерзкими бородками, а несет от них так, что хоть топор вешай. По запаху можно предположить, что каждый выпил по бочке пива, дурная кровь взыграла и мужиков потянуло на приключения.

Заметив Олега, девица кинулась вперед с мольбой:

– Помогите! Пожалуйста!

Один из громил ухватил ее за локоть и грубо дернул на себя.

– Куда собралась? Мы не закончили, сладкая.

Девушка всхлипнула, по щекам покатились слезы, она вцепилась в сумочку так, словно это ее единственная надежда на спасение, и посмотрела на Олега глазами выброшенного под дождь щенка.

Олег нахмурил брови. Животный мир суров и справедлив – сильный выживает, слабый погибает. С этим ничего не поделать. И не погибнуть можно, лишь став сильнее того, кто хочет тебя сожрать. Но человеческое племя уже не зверье. Да, людьми все еще правит животное начало, но ведь искра разума уже зародилась. И ее надо раздувать и распалить.

– А чего это вы тут делаете? – спросил Олег, почесывая щеку, все-таки муха укусила со всей страстью.

– Иди отсюда, мужик, – грубо проговорил разбойник, который держал девушку. – У нас свои дела, у тебя свои. Занимайся своими, а в наши не лезь.

Олег зевнул. Ничего нового, выглядят как люди, а внутри – звери, и понимают только звериный язык, то есть силу. Много еще человечеству надо познать, чтобы вылезти из колыбели и поползти. А уж чтобы на ноги встать...

– А я своими и занимаюсь, – согласился Олег с миролюбивой улыбкой.

– Не понял, – угрожающе отозвался громила и подался вперед, его набрякшие брови сдвинулись. – Это ты угрожаешь, что ль?

Олег развел руками и проговорил невинно:

– Угрожаю? У меня даже оружия нет.

Громилы переглянулись, Олег почти услышал, как заскрипели их мозги, которые, судя по наморщенным лбам, редко используются для думанья. Олег стоял спокойно, он успел оценить их всех, едва завернул в подворотню. Двое слабые, стоят поодаль, скорее всего трусливые и убегут при первом намеке на поражение, а остаются здесь потому, что уверены – их больше, а значит, они в безопасности. Остальные коренастые и крепкие, возможно, бывшие моряки, такое мясо на плечах нарастает только от многодневных постоянных тренировок, как и покрывается темным слоем загара. Зубы у всех кривые и плохие, что значит – бывали в долгих плаваниях, а там плохое питание и нехватка полезного. Оттого зубы сыплются, как осенние листья. Все вооружены ножами, вон торчат под рубашками.

– Слушай, – снова проговорил громила, который, скорее всего, главный, с напряжением оглядывая широкие и крепкие плечи Олега. – Мы не хотим тебя калечить. Ты по ходу и так какой-то юродивый, рыжий, в волчовке. Иди по-хорошему.

Олег печально вздохнул.

– Уйду, уйду, я всегда ухожу. Но меня находят. Не дают уединиться...

– Да вали уже, убогий! – рявкнул тот, что подальше.

Двинув плечами, Олег произнес буднично:

– Пустите женщину, я и уйду.

Громилы снова переглянулись, девица всхлипнула, по щекам льются блестящие дорожки, сама бледная, губы дрожат. Женщина одета не дорого, но прилично, забраться в такой район она могла либо по дурости, либо по большой надобности. Женский ум потемки, так что возможны оба варианта.

Главарь банды оскалился в гадкой ухмылке.

– Так тебе девка нужна? Ну, мы поделимся. Вставай в конец, так и быть.

Олег покачал головой.

– А я жадный. Не хочу делиться.

– Да кончай его! – выкрикнул второй и ринулся на Олега.

В полумраке сверкнуло лезвие ножа, женщина громко закричала, и вся банда с оружием бросилась на Олега.

Дрался Олег без энтузиазма, механически выставляя блоки и делая выпады. Нет большой чести и удали биться с теми, кто слабее тебя. Ему претила эта стычка, которую и дракой не назовешь, но урок преподавать надо, чтобы другим неповадно было. Они еще дикари, если не понимают простых истин о человечности, так что сейчас он осуществляет самую что ни есть воспитательную необходимость. Неприятную, но нужную. Пальцы сами хватали, ломали, подворотня наполнилась хрипами, криками и хрустом костей.

Когда все стихло, Олег с грустью обнаружил себя в полумраке среди раскиданных в неестественных позах тел. Девица сидит на земле, в ужасе обнимая колени и таращась на него.

– Цела? – спросил Олег буднично.

Она покивала, Олег снова поинтересовался строго:

– Ты зачем поперлась ночью в подворотню? Не знаешь разве, что тут бывает?

– Мне н-надо было, – тихо и заикаясь, отозвалась девица.

– Надо ей было, – проговорил Олег недовольно, будто журил расшалившихся мальцов. – Одним надо, а другие потом не помнят, о чем думали. Может, я почти понял. А тут ты...

Несколько секунд его взгляд оставался суровым, но потом отрешился, будто уже унесся в незримые дали мыслить о вечном. Девушка поднялась, отряхивая грязь с подштанников, лицо чумазое, на колене дырка, пуговицы на горловине платья расстегнулись и аппетитные формы запросились на свободу.

Она спешно застегнулась и, покосившись на неподвижные тела, шарахнулась в сторону.

– Вы... вы зачем их? – прошептала она перепуганно. – Насмерть?

– А, так это твои знакомые? – рассеянно спохватившись, спросил Олег. – В следующий раз говори, мол, вы тут развлекаетесь. Уж простите великодушно, помешал.

– Чего? – выдохнула девушка. – Вы подумали, что я и эти? Да вы что! Да я... Да как вы... Да...

Олег покосился на нее, лицо скривилось, будто хлебнул прокисших шей, девушка как-то сразу сникла, втянула голову в плечи. Нахолодившись, как промокший воробей, она принялась оправлять одежду. Человек перед ней хоть и звероватый, из одежды безрукавка из волчьей шкуры да портки с сапогами, только глаза зеленые, как весенняя трава, а волосы – что неистовое пламя. Но все же мужчина, а перед мужчинами положено выглядеть достойно.

Наконец девица оправилась и взбила прическу.

– Я Люсиль, – проговорила и протянула ладонь, все еще поглаживая на неподвижных мужиков, что раскинули руки на брусчатке.

– А? – отозвался Олег и нехотя обернулся.

Лицо отрешенное, словно уже забыл, что только что вырубил пятерых мордovorотов, в глазах такая усталость, будто на нем лежат заботы о судьбе всего мира, а его еще и картошку заставляют копать.

Девица опустила руку, но снова проговорила:

– Меня зовут Люсиль, и я очень благодарна вам за спасение. Не знаю, что бы со мной было, если бы вы вовремя не появились.

Где-то далеко заржали мужики, Олег поскреб подбородок и произнес спокойно:

– Да известно что. Ты бы еще в исподней рубахе по пирсу побегала, чтоб все наверняка увидели, какая ты, одинокая и молодая, готова сдать в чьи-нибудь руки.

Щеки Люсиль вспыхнули, хотя в полумраке видно плохо, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы знать, в каких случаях у девиц краснеет лицо.

– Никуда я сдаваться не собиралась! – пылко выдохнула она и зачем-то поправила платье.

– Да? – удивился Олег. – А я думал, что женщины в одиночку по темным подворотням бродят именно за этим.

Хорошенькое лицо Люсиль исказилось от возмущения, она сложила на груди руки.

– Да как вы смеете! Я приличная девушка и не потерплю, чтобы всякие там рыжие говорили обо мне непристойности. И пусть вы меня спасли, это не значит, что можно вести себя вопиющим образом!

– Вроде никто не вопит. Уже, – чуть прислушавшись, задумчиво отозвался Олег.

Люсиль захлопала ресницами растерянно и быстро, в глазах непонимание – то ли ее спаситель шутит, то ли серьезно. Но для острастки девица вскинула подбородок и потребовала:

– Я все еще жду, когда вы представитесь. В конце концов, я же должна знать, кого благодарить за спасение.

Олег покосился назад в сторону пирса, где уже совсем темно, небо чистое и звезды полагают к праведным думам.

– Да меня можешь благодарить, чего уж... – отвлеченно проговорил он, глядя на сумеречную пристань, которая освещается единственным на берегу фонарем.

– Да что вы за невежда такой, – сокрушилась Люсиль, она все еще дрожала после случившегося, но старалась выглядеть смелой. Что неплохо, но в целом бесполезно, поскольку сейчас смелость проявлять поздно. – Вас что, не учили, как надо вести себя с леди?

– Ну...

– Вы должны мне подать руку, спросить, все ли со мной в порядке. В самом деле, вы что, из леса вышли, что ли?

Олег вздохнул.

– Как давно это было. А вроде только вчера... И деревья вроде казались больше, и трава зеленее...

– Не говорите так, будто вам сто лет, – хмыкнула Люсиль.

– Да какое там, – отмахнулся Олег.

В повисшей паузе шум ночного города стал отчетливее, где-то залаяла собака, громко и недовольно закричала кошка, возмущенная женщина обругала обоих, раздался звук выплескиваемой на брусчатку воды. Люсиль смотрела на Олега, приподняв бровь в нетерпеливом ожидании, но он задумчиво косился на пирс. Снова его отвлекли от важного, и чувствует его нутро, совсем не ради того, чтобы тут же оставить в покое.

– Ну? – наконец требовательно произнесла Люсиль.

– Что «ну»? – спохватился Олег.

– Вы собираетесь назвать мне свое имя?

– А в этом есть смысл? – задумчиво протянул Олег. – Все равно каждый называет, как удобно. То волхв, то калика, то ваше величество...

– Так вы... король? – изумилась Люсиль.

Олегу страшно не хотелось тратить время на пустые разговоры, он развернулся и направился обратно к пирсу, там воздух лучше и помогает сосредоточиться, а здесь в подворотне, как и во всех нынешних городах, воняет нечистотами и кошачьей мочой. А это мешает думать.

– Куда вы? – воскликнула Люсиль и к огромному разочарованию Олега бросилась следом. – Если вы король, но предпочитаете оставаться инкогнито, можете быть уверены, я сохраню ваш секрет. Ни одна живая душа о нем не узнает!

Олег чуть оживился.

– А неживая?

– Что? – не поняла Люсиль.

– Если ты обязуешься сохранить тайну от живой души, стало быть, неживым разболтать можешь?

Он на ходу повернул голову к ней, девица растерянно захлопала губами и произнесла:

– В каком смысле?

Зародившаяся искра интереса в Олеге тут же погасла, подойдя к лавке, он бухнулся на нее, устало откинувшись на спинку, и поднял глаза к небу. Оно усыпано сотнями тысяч звезд. И ведь горят они уже столько лет, Олег бывал там, где, по мнению старейшин и магов, обитают небесные светила, но теперь все не так. Светила больше не живут на небесной тверди, а боги не носятся в огненных колесницах. Да и где теперь эти боги?

– Сэр, – позвала Люсиль, Олег вздрогнул, – разве вы не собираетесь сопроводить меня к постоялому двору? Как вы видите, здесь опасно для девушки.

С недовольством Олег кивнул.

– До твоего появления здесь было спокойно.

– Вы меня в чем-то вините? – выдохнула девица. – Ну что ж, прошу прощения за то, что своими криками о помощи отвлекла от сидения на лавке и созерцания моря!

– Прощаю, – кивая, проговорил Олег.

В свете одинокого фонаря карие глаза девицы яростно сверкнули, губы сжались в тонкую полоску, она топнула ногой и гневно проговорила:

– Вы неотесанный мужлан и совершенно не воспитаны для приличного общества. Вы обязаны немедленно меня сопровождать, иначе я буду вынуждена идти на постоянный двор одна, а если со мной по пути что-то случится, то будет это всецело на вашей совести!

– Один раз я тебя уже спас, – заметил Олег, он тщетно пытался глядеть на воду и погружаться в мысли.

– Теперь я еще и обязана? – еще больше возмутилась Люсиль. – Ну что ж, пришлите мне счет, и я оплачу его. Так и быть, расплачусь с вами из резерва, собранного мной для поиска артефакта!

От страстной речи Люсиль разгорячилась и задышала часто, скованная тугим платьем грудь заходила ходуном, основательно натягивая пуговицы, Олег скользнул по ней взглядом и поинтересовался:

– Какой артефакт?

Губы Люсиль искривились в раздраженной улыбке.

– О, так теперь, сэр, вам интересно? Теперь вы готовы со мной разговаривать?

Олег пожал плечами.

– Зависит от предмета разговора. Что за артефакт?

Глаза девушки сузились, улыбка стала хитрой, а сама она обрела какие-то лисьи черты.

– Давайте так, сэр, вы проводите меня до постоянного двора, а я за вашу любезность расскажу вам о своем деле.

С мыслительного лада его уже сбили, а эта двуногая муха с большими и, вероятно, упругими глазами, вернуться на него уже не даст, во всяком случае, сейчас. Олег вздохнул и поднялся.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем. Только не приставай. Не люблю, когда пристают.

– Я? – с ошеломлением выдохнула Люсиль. – Да я бы никогда...

– Ну, вот если будешь кроткой по дороге, поверю, – сообщил Олег и пошел по брусчатке вверх.

Можно было бы поймать экипаж, но ему нужно платить, а это не дело для странствующих мыслителей. Пусть о насущном заботятся те, кому важен чин и статус, а Олегу надо домыслить, как человечеству сделать лучше.

Молчания Люсиль хватило ровно на десять минут дороги, и то все это время она бросала на Олега нетерпеливые взгляды, сопела и порывалась что-то сказать. В итоге не вытерпела и, когда пересекали небольшую площадь, коих Олег перевидал немало, сказала:

– Скажите, как мне к вам обращаться? Вы ведь чем-то промышляете, у вас есть дело, ремесло, призвание?

– Не знаю, что там с призванием, но промысел мой прост и сложен одновременно, – сообщил Олег задумчиво и отрешенно. – Мир нужно тащить из бездны незнания. Только сперва себя бы вытянуть...

На очаровательном личике Люсиль появилась задумчивость, она потерла тонкий подбородок и воскликнула:

– Ой, так вы пастор!

Олег пожал плечами.

– Пускай будет пастор. Хотя при рождении Олегом назвали.

Люсиль быстро закивала и проговорила охотно:

– Понимаю. При вступлении в сан пастору обычно дают новое имя. Но вы не захотели его менять. Значит, все же пастор.

– Да хоть и пастор, какая разница.

– Хорошо, – согласилась Люсиль. – Буду обращаться к вам пастор Олег. Это почетно, нести в народ слово Божье. Так значит, пастор Олег, вы уже давно находитесь в Брей?

– Брей? – вздохнул Олег. – Раньше тут везде были Оловянные острова. А теперь уже нет? Эх, как время летит.

– А, так вы бывали здесь раньше, – чему-то обрадовалась Люсиль. – Тогда понятно, почему вы не боитесь местных улиц. Только знающий человек может позволить себе бродить здесь в темноте.

– Чего о тебе не скажешь, – заметил Олег.

Люсиль пропустила остроту и заулыбалась, потому что с тем, кто знает, куда идет и уж тем более – куда ведет женщину, стоит обращаться приветливо, даже если он не подает руку и не помогает подняться.

– Я занимаюсь исследованиями древних артефактов, – начала она. – В моей коллекции есть несколько мелочей – кости древних животных, окаменелое перо какой-то огромной птицы...

Олег задумчиво кивнул.

– Летать на них не очень удобно, зато тепло – перья греют, – сказал он.

Девушка покосилась на него с сомнением, но выражение лица осталось недоверчивым, она продолжила:

– Еще пара окаменелых улиток. Но сейчас я ищу нечто совершенно непохожее на все это. Вы можете мне не поверить, как, впрочем, сделали мои друзья, сочтя меня очарованной приключениями дурочкой. Но сведения, которые я узнала совершенно неожиданно, говорят, что мои надежды и поиски не беспочвенны и могущественный Меч существует!

Из всего монолога Олег услышал только последнее, и то потому, что Люсиль повысила голос.

– Меч? – переспросил он. – Ты вроде не похожа на ту, кто машет мечом. Вот амазонки были, да, умели махать. А ты, уж прости, слишком домашняя для битв.

Отмахнувшись, Люсиль проговорила:

– Какой вы, пастор Олег, шутник. Ну разве приличной девушке пристало сражаться мечом? Такое тяжелое оружие подходит больше вам, но вы ведь человек духовный? Вы не поднимете руку на другого человека?

Она тут же замолкла и поджала губы, видимо вспомнила, как совсем недавно этот духовный насмерть раскидал пятерых, причем безо всякого меча. Какое-то время висела благодатная тишина, в которой Олег наслаждался звуками ночных цикад, которые каким-то чудом умудрились выжить в еще небольшой, но все же городской застройке, и потоками ветерка, уносящего зловоние сточных канав. Меч. Давно он не слышал, чтобы кто-то искал Меч. Мечей он повидал немало, но только один имеет такую силу, которая может пробудить интерес юной красавицы-авантюристки и отправить ее в далекое странствие наперекор всему.

– В древних свитках я прочла, – снова набравшись смелости, продолжила Люсиль, – что есть четыре артефакта, символизирующие первоэлементы. Точнее пять, но пятый особый. Не думайте, что я глупая, если верю в это. Потому что, если это не так, откуда тогда в нашем учении столько сказано о Граале? А ведь он один из артефактов. Значит, если известно о нем, то должно быть что-то и об остальных.

Олег задумчиво почесал лоб. В ее сбивчивом повествовании есть зерно смысла, хотя девушка даже не представляет, что четыре остальных артефакта, включая пятый, действительно существуют.

Глава 2

В таверне постоялого двора повис густой запах жареного гуся и кислого хмеля, Олег поморщился: сейчас бы в тишину, куда-нибудь в пещеру. Говорили мудрые люди – просветление приходит в покое. А какой тут покой, если в правом углу один гогочет, а другой разбивает ему об голову бутыль, очевидно, проверяет крепость черепашки собрата.

Люсиль во время дороги держалась важно и в стороне, но сейчас приблизилась и настойчиво касается его плеча теплым боком.

– Как-то неуютно здесь, – заметила она с тревогой.

– Это кому как, – отозвался Олег и кивнул на громил, которые колотили друг друга по головам. – Этим вот очень даже уютно.

– Мне казалось, на постоялых дворах как-то попримечнее, – заметила Люсиль и еще сильнее прижалась боком.

Олег огляделся. Таверный лихо орудовал ковшом за высоким деревянным барьером со столешницей, который большинство приходящих сюда называют коротко «бар». Такова общая склонность людей в последнее время – сокращать слова. Олег предположил, что это только начало и дальше сокращать будут больше и сильнее.

– Постоялые дворы примерно одинаковые, – отозвался он и, заприметив у лестницы пышногрудую женщину в чепце, направился к ней.

– Пастор Олег, вы куда? – удивилась Люсиль и кинулась следом, не желая оставаться в одиночестве среди гогочущих амбалов.

– Ты же на постоялый двор отправилась, чтобы переночевать, так? – на ходу поинтересовался Олег. – Значит, нужна комната. Или ты прям тут на столе можешь спать? Амазонки вон могли и на траве. Да хоть на земле. Полное равноправие.

Ясные глаза Люсиль округлились, хорошенький ротик раскрылся в праведном возмущении, она пылко проговорила:

– Настоящая леди не должна вести себя как неотесанный мужлан.

– Согласен, – кивая, произнес Олег. – Настоящая женщина имеет право вести себя как хочет. Даже танцевать на столе без портков.

– Леди не носят портков! – выпалила Люсиль, задыхаясь.

– Как? Уже? Я думал, еще подождут немного. С другой стороны, гигиенично. Голые зады проветриваются лучше. Ничего лишнего. Я всегда за отсечение ненужного. А белье – пережиток прошлого. Молодец, что ходишь без него. Хвалю.

На последних словах Олега в таверне стало как-то тихо, и все их услышали. Люсиль густо покраснела, ее пальцы вцепились в передник юбки, а подбородок вскинулся.

– Это ложь и клевета, – сообщила она холодным голосом. – Каждая приличная леди обязана носить все формы белья, предписанные правилами хорошего тона. А приличные лорды не обсуждают такие вещи при посторонних, и уж тем более с женщинами.

Олег с облегчением выдохнул, вытирая лоб тыльной стороной ладони, и сказал:

– Хорошо, что я не лорд. Могу говорить что хочу и кому хочу. Доброго вечера, хозяйка. Найдется нам комната на ночь?

Жена таверного до этого с интересом слушала историю про женское белье, по лицу пролегли морщинки задумчивости, что значит – всерьез задумалась, не избавиться ли от своих панталон. Олега оглядела снизу вверх, сразу как-то приосанилась, заулыбалась.

– Смотря для кого, – ответила она и улыбнулась мясистыми губами.

– Для меня в первую очередь, – сообщил Олег. – Я нежный, нуждаюсь в тепле и покое, чтоб не мешали думать и мыслить. Этой-то все нипочем, на столе, да что там – на камнях

голых спать может. Но я разделить ее стремлений не могу, потому приходится по-простому, на постоянный двор.

Взгляд жены таверного оценивающе скользнул по Люсиль, та сжала губы и засопела, так и не найдя, что ответить, зато хозяйка через пару секунд кивнула и проговорила:

– Есть у меня комната. Пойдемте.

По скрипучим ступенькам они поднялись на второй этаж, хозяйка всунула Олегу ключ и указала на дальнюю дверь.

– Там, – сказала она. – Постельное в комнате. Платить будешь чем?

– Честным трудом! – с готовностью отозвался Олег.

Мясистые губы хозяйки растянулись в улыбке, глаза маслянисто заблестели, она сложила руки под грудью, выгодно ее приподнимая.

– Заглядывай. Утром здесь холодно.

Подмигнув, она развернулась и, качая пышными ягодицами, спустилась обратно в общий зал. Люсиль сопела, как раздраженная кошка, и порывалась что-то сказать, изо всех сил закусывая губы, а когда они вошли в комнату, в ужасе воскликнула:

– Но здесь всего одна кровать!

Олег пересек помещение и осторожно опустился на кровать – раз уж выпала возможность спать на мягком, надо пользоваться. Хотя ему что мягкое, что твердое – давно без разницы.

Он кивнул и произнес:

– Так теплее.

– В каком смысле? – изумилась Люсиль и нерешительно затворила дверь.

– Ты разве не амазонка? Что-то про клинки и отсутствие белья говорила? – отвлеченно произнес Олег.

Люсиль вспыхнула.

– Я не так говорила!

– Да? Ну ладно. Вдвоем на земле спать теплее, чем одному, – со знанием дела проговорил Олег и потянулся, закинув руки за голову. – Здесь, конечно, не земля. Но если тебе не понравится, можешь лечь на полу. Понимаю, амазонкам так привычнее. Куда нам, простым да убогим.

Лицо Люсиль покрылось красными пятнами, она решительно шагнула вперед и выдохнула с чувством:

– Я не амазонка! Я – леди!

– А есть разница? Хотя неважно. Главное – не храпи. Ты же не храпишь? А то я от храпа пугаюсь. Сплю плохо.

От праведного возмущения Люсиль затрясло, пальцы сжались так, что побелели костяшки, она проговорила тихо и задыхаясь в негодовании:

– Леди не храпят. Не спят на земле и не ходят без белья. Чего не скажешь об этой женщине с сальным взглядом.

– А чего не так с ее взглядом? – искренне удивился Олег.

– Да она же почти напрямую предложила провести с ней ночь! – выдохнула Люсиль. – Это вопиюще и неприлично! Она ведь женщина, к тому же замужняя!

Люсиль говорила что-то еще, но Олег уже перевернулся на бок, под ее щебет мысли потекли плавнее, спокойнее. Вообще, женский щебет очень умиротворяет, если не слишком громко и при этом не лезет с расспросами. А когда щебечет к тому же красивая и с формами, то радуется еще и глаз, а созерцание женских форм, как известно, благотворно влияет на мужской организм. Но Олег давно понял, что формы у всех примерно одинаковые, различия лишь в размере. Да и в целом устройство людей довольно похоже. А вот разница начинается в черепушке. Настолько сильная, что на всем свете не найти ни одного похожего по уму человека. Хотя хотелось бы.

Люсиль продолжала что-то говорить, Олег не слушал. Она ищет Меч. А он знает только один Меч, который имеет такое значение. И если уж какая-то девица кинулась его разыскивать, чует нутро, кто-то делает то же самое. Так всегда происходит, не бывает, чтобы важным артефактом интересовался только один, всегда найдутся те, кому он тоже нужен. И если Люсиль полна мечтаний о приключениях, то те, вторые, вряд ли такие же одухотворенные.

Послышался топот, зашуршали юбки – Люсиль стала ходить по комнате взад-вперед.

– Не мельтеши, – пробормотал Олег. – От тебя ветер дует.

– Она же вам предложила расплатиться натурой, – не успокаивалась Люсиль.

– Мне? – искренне удивился Олег.

– Только не надо говорить, что не заметили, как она на вас смотрела. Так приличные женщины не глазеют на чужих мужчин.

Олег поскреб ногтями бок.

– Почему чужих? Я ничейный. В смысле свой собственный.

Люсиль запнулась.

– Я не это имела в виду. Я... Я говорю, что женщине не пристало. Себя так вести. А если здесь такие нравы, значит, это дурное место и нам следует уйти.

– Все же хочешь спать на камнях, – с пониманием проговорил Олег. – Только тогда грей меня. Ночью на острове действительно холодно.

– Это вопиюще! – возмутилась Люсиль.

– Вопишь сейчас только ты и мешаешь думать. Если спать не будешь – иди вниз к мужикам, пляши на столе и делай, что обычно делаешь. Только не дерись, нам еще тут завтракать.

– Пастор Олег, вы мужлан.

– Со всей ответственностью сообщаю, что я не муж каких-то там Лан. Хотя, может, и был, но не помню. А если не помню, значит, не было.

Тяжелый вздох Люсиль сообщил, что она сдалась и не собирается больше пререкаться. Ее шаги приблизились, кровать рядом скрипнула и прогнулась, Олег почувствовал, что девушка легла на самый краешек.

– А чем ты, кстати, собралась платить за ночлег? – спросил Олег. – Денег у тебя нет, даже возникла мысль, что ты врешь.

Люсиль промолчала и тихо засопела, делая вид, что уснула. К Олегу сон долго не шел. Лунный свет проложил дорожку на полу до самой стены, на улице кто-то орет и гогочет во всю глотку, звенят склянки и колеса. Ночной город не спит, а ведет тайную, накрытую пологом темноты жизнь, а она, как водится, совсем не такая, как при свете солнца. Олег поежился – сквозняк щекочет нос и плечи. К холоду он привык, да и к сквознякам тоже, ими давно не пронять. Но это не тот холод, что идет от вечерних канав и поднимается до самых окон жилых домов.

Перевернувшись на спину, Олег вперил взгляд в темный угол между стеной и тумбой.

– Вылезай уже. Надышал уже, слышу, вижу тебя, – проговорил он.

Из угла послышалось кряхтение, возня, потом показалась лохматая голова размером с тыкву, затем и остальное тело, такое же косматое. Глаза большие, желтые, а сам сутулится и цокает когтями о деревянный пол.

– Спину выпрями, – посоветовал Олег. – От кривой спины все болезни.

– Да какой там, – послышался печальный вздох. – Мне уже поздно спину прямить.

– А чего так?

Снова раздался тяжелый, как судьба всего мира, выдох.

– А как иначе? Домовых все меньше. Места нам нет в собственных домах. Поговаривают, в городах скоро вымирать начнем. Придется в деревни переселяться. Только там еще чтут домашних духов.

Олег подтянул колени повыше и предложил:

– А ты в замок переселись. В этой местности много замков. С каминами. Косточки погребешь заодно. И при доме опять же.

Домовой с надеждой повернул к нему голову, желтые блюдца глаз блеснули в темноте.

– Правда?

Олег пожал плечами и сказал:

– Всяко лучше, чем гнить на убогом постоялом дворе. Тебе, наверное, и молока никто не вынесет.

Домовой грустно закивал, сваленные в сосульки космы закачались.

– Не вынесет, – подтвердил он. – Уж несколько лет молока не пил.

– А домовые любят молоко.

– Страсть как любят, – согласился домовой мечтательно. – Сладкое, только из-под коровы, теплое.

– И сухари.

– Ага, – еще больше воодушевилась лохматая голова. – Домашние, из белого хлебушка. Да можно и из черного. Так я их тоже давненько не грыз. Меня из людей уже никто и не видит. Диву даюсь, как это ты меня заприметил.

– Тот, кто зрит, а не просто глазеет, тот и может заприметить, – сообщил Олег мудро. – Ты, действительно, перебирайся в замок какой-нибудь. Найдешь себе занятие, будешь жильцов развлекать.

Домовой воодушевился еще больше, видно, с ним давно никто не разговаривал.

– И песни смогу петь? – спросил он.

– Можно и песни, – согласился Олег. – Знал я одного. Песни пел, на дудке играл. Знаешь, как его женщины любили? Стаями ходили за ним и выстраивались в ряд.

На лохматом лице домового заблестел широкий оскал улыбки, он радостно проговорил:

– Женщину мне давно пора найти. Добрую жену. Будет помогать мне по хозяйству. Ну и для души. Без души оно вообще не надо.

– Это верно...

– Буду песни им петь, дворец охранять, а они станут меня молоком и сухарями кормить.

– Ага, – отозвался Олег. – Найдешь какие-нибудь цепи, будешь на них музыку играть.

Домовой усмехнулся хрипло:

– Да я и ставнями постучать могу, и на половицах наскрипеть. Знаешь, как красиво? Хошь покажу?

– Не надо. Верю.

– Ну ладно, – согласился домовой. – Не хочешь – как хочешь. Но я умею. Красиво так, протяжно. Оно когда с ветром в трубе в унисон – аж душа разворачивается, и слеза по лохматой щеке течет. Страсть как красиво.

– Это да...

– Хороший ты человек, – с протяжным выдохом проговорил домовой. – Знаешь и чтишь старый покон. За это тебе честное домовническое благодарствие.

– И тебе ответное, – проговорил Олег.

Домовой скрылся во тьме угла, а Олег снова перевернулся на бок, рядом зашевелилась Люсиль, поерзала и прижалась к его спине мягким боком. Ее голос прозвучал сонно и заспанно.

– С кем ты разговаривал?

– Ни с кем. Спи.

Слабеют старые боги. Слабеет старая сила. Кто мог знать, что однажды великие духи, которым поклонялись, будут прятаться по углам и ждать кусок сухаря, как великую милость. Меняется мир, только непонятно куда. И от этого страшно.

Закутавшись в волчовку, Олег сунул пальцы под мышки и сомкнул веки. Проснулся, когда рассвет только занялся. В последнее время он вставал рано. Мрак говорил, что настоящий мужчина встает спозаранку, умывается ледяной водой или вообще не умывается – зачем красоту смывать, – охотится, жарит мясо. Или не жарит, а сразу сырое жрякает. А мыслителю вставать рано не подобает, ибо неизвестно, когда великая идея придет в светлую голову, но лучше бы эта голова была выспавшейся и свежей. Олег покосился на бледнеющую полосу предрассветного неба и вздохнул – в мужчину превращается, что ли?

Глава 3

Утро только занимается, но по венам уже бежит бодрость, а в животе жалобно урчит. Потакать призывам плоти – не в чести у мудрецов, но он пока только на пути к великой истине, а значит, придется есть. Сам заметил – если питаться только медом да акридами, вроде легкость в теле, но голова пустая, а мысли вялые. Для резвых и глубоких дум все-таки требуется мясо.

Поднявшись с постели, Олег укрыл Люсиль покрывалом, которое нашлось в изголовье. Та сопит, поджимает колени к груди, из прически выбилась прядь и красиво лежит на лбу. Олег тяжело вздохнул, его нутро тревожно шевельнулось – что-то беспокойное творится в мире, и эта девица влезла в самую серединку этого беспокойства.

Олег покинул комнату, плотно затворив за собой дверь, и спустился в таверну. Запах кислого пива повис в воздухе так плотно, что даже открытые окошки не помогают. За дальним столом громко храпит бородач, таверного нет, но с улицы доносится командный голос и лошадиное ржание, стало быть, самолично возится в конюшне.

– Проснулся? – раздался грудной женский голос справа.

Олег оглянулся, хозяйка таверны в рубаше на голое тело стоит у ступенек, облокотившись на перила. Жидкие кудри торчат в стороны, делая из нее отцветший одуванчик.

– Выспался, – поправил Олег, потому что просыпаться лучше, когда организм сам поднимает, готовый к бодрому дню.

Хозяйка опытным взглядом оглядела его с головы до ног и обратно.

– Голодный, небось?

Олег пожал плечами, но кивнул.

– Ну, если настаиваешь, – согласился он.

– Садись, – довольно улыбаясь, пригласила его хозяйка за стойку. – У меня завтрак для работников готов. Если не побрезгуешь кашей с мясом.

– Кто я, чтобы отказываться от щедрого угощения? – смиренно отозвался волхв.

Улыбка хозяйки стала шире, она отнесла свое тучное тело за небольшую дверку под лестницей, а когда Олег сел на табуретку, вынесла и поставила на стойку перед ним большую тарелку с дымящейся кашей и стакан молока.

– Благодарствую, хозяйюшка, – поблагодарил Олег.

Ел спокойно и вдумчиво, как завещали древние мудрецы, которые наказывали жевать медленно, давая животу время донести до головы весть, что он уже набит до отвала.

– А девка твоя? – поинтересовалась хозяйка. – Спит еще?

Олег кивнул.

– Голубая кровь, белая кость.

– Ну и времена пошли, – стала сетовать хозяйка таверны. – Раньше бабы как?

– Как?

– Вставали спозаранку, кормили своих мужей и провожали их на славные дела. А сами кто по дому хлопотал, кто в поле шел. А сейчас что?

– Что?

Хозяйка разочарованно отмахнулась.

– Да вон что – валяются в койке, спят до рассвета. Где ж это видано? Чтоб баба вставала после восхода?

Олег отправил в рот очередную ложку ароматной каши, добротный вкус растекся по языку.

– Новое время, – согласился Олег, кивая, – новые правила.

– Да что ж это за правила, где все не пойми как?

– Да... да...

С хозяйкой таверны не поспоришь. Что-то меняется в миропорядке, какое-то животное чутье нашептывает об этом, как псу, что загодя знает о приближении землетрясения.

Хозяйка выждала паузу, а когда Олег так ничего больше и не сказал, спросила:

– Вы путники, стало быть?

– Путники, – согласился Олег. – Всю жизнь путники.

– И куда держите путь? – не унималась хозяйка таверны.

Вопрос хороший. Здесь, на острове он не чувствует присутствия могучего артефакта – Меча, за которым отправилась юная Люсиль. Стало быть, здесь его и нет. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – с малых Оловянных островов нужно выбраться на большие, а там смотреть по ситуации, поскольку направление пока мутное. Единственное ясно как белый день – это будущее, которое в опасности, если за Мечом охотятся недостойные люди. А достойные за такими артефактами охотятся редко. Олег сглотнул комок пищи и покачал головой собственным мыслям – путь, как всегда, ясен и непонятен одновременно.

– Через воду, – сказал Олег, дожевывая остатки каши. – Может, знаешь, добрая хозяйка, идут ли какие корабли на большие острова?

Улыбка хозяйки таверны сделалась широкой и хитрой, как у довольной кошки, объевшейся сметаны. Она облокотилась на стойку, открыв обзор на внушительную грудь, и сказала:

– А если знаю? Что мне за это будет?

– А чего хочешь? – поинтересовался Олег. – Денег с собой нет, имей в виду.

Хозяйка заулыбалась еще больше.

– Как досадно, – сказала она, беря Олега за руку. – Но мы люди смекалистые. Придумаем.

Из комнаты хозяйки таверны Олег вышел, когда солнце уже поднялось и пробивалось сквозь серость туч и морозящий время от времени дождик, который забрызгал порог перед открытой дверью. Появились гости и вовсю жуют за столами, спокойные, серьезные. Оно и понятно – вечером в таверну идут по большей мере те, кто ищет веселья, а с утра – работяги и моряки. Им бы пищи посытнее, да чтоб не мешали, потому как предстоит долгий трудовой день.

Пока Олег скреб ногтями могучую грудь, гремя оберегами, тонкий, полный возмущения голос раздался с лестницы, волхв обернулся и завязал портки.

– Куда вы делись!

На самой нижней ступеньке уперла руки в бока Люсиль. Каким-то чудом уже собранная, в расправленном платье и причесанная, даже шляпку нацепила. В глазах гнев и возмущение.

– Я проснулась, вас нет! – негодовала она. – Что я должна была подумать?

– Что я встал и ушел? – предположил Олег, подходя к стойке, где оставил нетронутый стакан молока.

Глаза Люсиль потемнели от недовольства.

– Вот именно. Я решила, что вы оставили меня одну. До вчерашнего дня я обходилась собственными силами, но опыт показал, что в одиночку мне не справиться, и теперь я рассчитываю на вашу помощь. Как можно подвергать леди таким переживаниям?

– Переживания закаляют дух, – подняв указательный палец, мудро произнес Олег.

Люсиль задохнулась в возмущении и захлопала ресницами.

– Да как вы можете так говорить? У нас столько дел. Вы ведь не забыли о цели нашей общей миссии?

Олег нахмурил лоб, пытаясь припомнить, в какой момент миссия стала их общей, потом сделал несколько глотков молока и сказал:

– Пускай так...

– И что вы делали в комнате хозяйки таверны? – со строгостью поинтересовалась Люсиль.

Олег отхлебнул еще немного молока из стакана, в дальних дверях показалась сама хозяйка, одетая по правилам, в чепце и с румяными щеками. Она стала хлопотать за стойкой, а Олег ответил многозначительно:

– Решал вопросы насущные.

Люсиль не поняла, ее глаза округлились, она стала переводить растерянный взгляд с Олега на хозяйку.

– Какие, например? – поинтересовалась Люсиль настойчиво.

– Важные, – ответил Олег. – Собирай пожитки и спускайся, а то будешь как та кошка.

– Какая кошка?

– Которую сгубило любопытство, – сообщил Олег и протянул ей стакан с остатками молока. – А вот это поставь в комнате в угол под шкаф.

Оставив на лестнице изумленную и растерянную Люсиль со стаканом в руке, Олег вышел на крыльцо, потянулся, тело отозвалось благодарным хрустом. Небо окончательно затянуло тучами, дождик моросит и приятно холодит кожу, но двор развезло, что значит – ночью дождь прошел крепкий и дороги превратились в кашу. Тем лучше им двигаться не по суше, а по воде.

Женщины собираются долго, даже если собирать нечего, поэтому Олег успел обойти постоянный двор, пообщаться с мужиками и выменять у одного из них на шкурку змеи заплечный мешок, прежде чем Люсиль показалась на крыльце. В руках та же сумка, что и вчера, одежда такая же, и можно только гадать, что она делала столько времени.

– Я готова, – сообщила Люсиль важно, подойдя к Олегу, пока он на пне у коновязи складывал в заплечный мешок скромную снедь. – Пастор, вы можете внятно объяснить, что задумали?

– Да я сам себе не могу ничего объяснить, – глубокомысленно проговорил Олег. – Все думаю. Думаю, а никак не додумаюсь...

– О чем вы вообще, пастор? – удивилась Люсиль.

Олег произнес отстраненно:

– Как всегда, все о том же, о том же...

Ресницы Люсиль запорхали, как бабочки, а выражение лица на секунду стало чистым от признаков какой-либо мысли, потом она проговорила:

– Пастор Олег, вы меня запутали. Пожалуйста, выражайтесь яснее. Куда мы сейчас собираемся?

– А, ты об этом, – запоздало спохватился Олег. – На корабль собираемся, куда же еще. Не по воде же шагать. Хотя знавал я одного. По морю – как по суше... Но сейчас уже так не могут...

Люсиль выпучилась оторопело.

– Вы же сейчас не о...

Олег отмахнулся.

– Да какая разница. Все перепутали и перемешали, не распутать. Есть только один способ разрубить этот узел...

Некоторое время Олег возился с мешком, перекладывая вещи поудобнее и слушая обалделое сопение Люсиль и скрип ее мыслей, которые не могут уложиться в голове. А ему с такой ношей и того труднее. Но своя ноша, как говорится, не тянет. Да и взвалено на него не больше, чем может вытерпеть любой другой человек. Так что придется нести.

– Так, – наконец проговорила Люсиль, видимо, отбросив думы о том, чего не может понять. – Значит, мы плывем на корабле?

– Идем, – поправил Олег. – Хотя никогда не мог понять, почему корабль идет. Ну плывет же. Хотя некоторые считают, что плавает совсем другое. И все же ходил по воде только один. А остальное – плавает...

Люсиль тряхнула головой, по нахмуренному личику видно – не хочет опять погрузиться в задумчивость, и сказала:

- Так чего же мы ждем?
- Ну, сперва ждали тебя.
- А теперь? – не поняла Люсиль.

Олег оглянулся. Из-за угла таверны вывернул долговязый, но крепкий моряк в добротной жилетке и подкатанных штанах. Лицо загорелое, обветренное, голова стянута повязкой, а пожелтевшие зубы скалятся в приветственной улыбке. Он помахал обоим.

- А теперь ждали его, – сообщил Олег. – Пойдем.

На лице Люсиль проступили испуг и недоверие. Даже когда они подошли к моряку, она скупно представилась и, пока шли к причалу, держалась слева от Олега.

– Зовите меня капитан Патрик. Кайла, которая жена таверного, прислала мне посыльного, – болтал моряк по пути. – Просила взять вас на борт. Баба она годная, и таверна у нее хорошая. Так что беру до Англии. Но с условием.

- Каким? – спросил Олег.

– Денег не возьму, Кайла предупредила, что с монетами у вас негусто. Так что будете на корабле помогать. По мелочи, но все же. После шторма у меня полкоманды разбежалось, мелкий нынче люд пошел. Шторма испугались. Так что лишние руки не помешают.

Люсиль возмущенно раскрыла рот, собираясь что-то сказать, Олег успел перебить:

- Как скажешь, добрый человек.

Многозначительный хмык слева сообщил, что Люсиль крайне возмущена необходимостью служить матросом на корабле, где она должна быть пассажиром. И когда они взойшли по трапу на борт, шепнула Олегу, пока Патрик отвлекся на оставшихся матросов:

– Я не собираюсь здесь никому прислуживать. Я ведь леди, пастор Олег, сделайте что-нибудь. Я отправилась на поиски Меча не для того, чтобы драить палубу.

- А для чего? – задумчиво поинтересовался Олег.

Лицо Люсиль на секунду стало растерянным, но она быстро нашлась.

- Чтобы найти легендарный волшебный артефакт, – сказала она.

Олег кивнул.

- Хорошее дело, – согласился он. – Для него не жалко и полы помыть, да?

- Я леди, а не поломойка, – решительно заявила Люсиль.

Олег пожал плечами.

– Я думал, леди добросердечны и помогают другим. Ведь нет лучшего призвания на свете, чем служить людям.

Люсиль не нашлась с ответом, но взглядом показала, что и пальцем не пошевелит для очистки палубы. Оно и понятно, красивая женщина всегда знает, что красива, и понимает, как этим пользоваться. Никто не позволит такой прелестнице марать руки о грязную работу. Другой вопрос, что считать грязным. Олег вскользь глянул на ее платье – может, оно и не самое дорогое, но аккуратное и добротное, в нем она точно не возьмется драить палубу. Вот если переодеть...

– Ты бы подумала, – предложил Олег. – Все-таки человек берет нас на судно сдельно. Доброго человека и отблагодарить можно.

Ресницы Люсиль изумленно запорхали, как вспугнутые бабочки, которые до этого беззаботно лакомились цветочным нектаром.

– Но пастор Олег, – проговорила она немного растерянно, – вы ведь мужчина, пусть и пастор. Кому, как не вам, взять на себя ответственность за нашу безопасность в путешествии?

Чайка с рыбиной в клюве пролетела прямо над палубой, Олег проводил ее долгим взглядом. Когда та оказалась над водой, ее догнала вторая, завязалась драка, полетели перья, а воздух наполнили вопли негодующих птиц. В результате вторая все же умудрилась выхватить из

клюва рыбу и, чтобы не потерять добычу, тут же ее проглотила. Эта чайка не просто сильнее, но и умнее другой, потому как не стала летать с едой там, где потерять ее можно в два счета, а сразу сожрала. Так и люди. Теперь одной лишь силы недостаточно, нужна еще и прозорливость. А женщины – самые прозорливые существа в мире. Вот и сейчас Люсиль смотрит на него, дует губы, хлопает ресницами, даже спина вроде стала прямее, а грудь приподнялась. Красивая, ей бы в тереме сидеть и сладости есть, а не по кораблям с матросами шататься.

– Будешь храпеть, – сказал Олег мирно, – выброшу за борт.

Лицо Люсиль вытянулось еще больше.

– Я не храплю... – произнесла она, а потом спохватилась. – Погодите, пастор Олег, хотите сказать, мы снова будем вынуждены ночевать в одной комнате?

– Каюте, – поправил волхв. – На судне комната зовется каютой.

– Пускай каютой, – нехотя согласилась Люсиль. – Но все же в одной?

Олег потер левый бок, во вчерашней драке один из громил умудрился пнуть его, теперь зудит и ноет, будто комары покусали.

– А ты хочешь ночевать одна на корабле, полном матросов, охочих до девичьих прелестей? – поинтересовался он и посмотрел на небо. Оно все еще пасмурное и конца-края тучам не видно. – Или у тебя предпочтения? Ну и нравы нынче. Ну и нравы...

Карие глаза Люсиль сверкнули праведным гневом, рот открылся, чтобы исторгнуть негодование, но Олег продолжил буднично:

– Хотя кто я такой, чтобы запрещать. Ладно, иди выбирай себе место, а я с капитаном потолкую.

После чего развернулся и широко зашагал на капитанский мостик к Патрику, который оттуда вовсю раздавал указания остаткам команды, оставив обалдевшую Люсиль возмущенно хватать ртом воздух.

Глава 4

Патрик оказался бывалым моряком, командовал споро и бодро, под его неустанным управлением подготовка к отчаливанию заняла времени столько, за какое ни одна женщина не успела бы облачиться в самую простую одежду.

– Анкерок тащи туда! – отдавал приказания матросам Патрик. – Да ставь аккуратней. Нам в море долго. Пресная вода понадобится.

Когда Олег осведомился, нужна ли помощь, тот покачал головой со словами:

– Отчаливание – дело важное. Сперва выйдем в море, а там и отплатишь.

– Как скажешь, капитан.

– А баба твоя чего? – поинтересовался капитан Патрик и кивнул на Люсиль, которая стояла на палубе возле правого борта, в руках небольшая сумочка, а на лице выражение, преисполненное благородства.

Олег отмахнулся.

– Да солнечные ванны принимает, – промолвил он. – Где-то услышала, что солнце полезно для кожи, вот и стоит.

Капитан Патрик с сомнением снова покосился на Люсиль и шумно поскреб затянутый в повязку затылок.

– Это дурь она какую-то услышала, – констатировал он. – Гляди на мою харю.

Он демонстративно ткнул себе в лицо и продолжил:

– Если так, я бы уже принцем стал с лошеной мордой и зубами в жемчуг. Только что-то я не больно на принца похож, хе-хе. Да и зубов всех недосчитать.

Матрос, что рядом усердно наматывает канат на кнехт в кормовой части, хохотнул глуповато.

– Капитан, так вы в каждую драку лезете, едва на сушу ступите, – сказал он. – Вот и зубов мало.

Патрик зыркнул на матроса так сурово, что тот мигом втянул голову в плечи и, поджав губы, опустил лицо к канату.

– Ты мне еще поговори, портовая крыса, – рявкнул капитан Патрик. – Кого я давеча из драки вытаскивал, а? Кому надавали по самые якоря? Ну? Ответствуй давай!

Голова матроса вжалась в шею еще сильнее, он стал усерднее наматывать канат на кнехт.

– Так то ж разок было... – пробубнил он.

Брови капитана взлетели в нарочитом удивлении, он хлопнул себя по бедрам и присвистнул.

– Разок? Ну да, конечно, разок. А как на той неделе причалили, кого я от торгаша спасал? Не тебя ли, криль немытый?

– Да кто ж знал... – совсем смурно отозвался матрос, его руки судорожно затряслись, канат пару раз выпал, но матрос поднимал и продолжал накручивать.

– Кто знал, кто знал, – бросил капитан Патрик и повернулся к Олегу. – Представь, влез в спальню к дочке тамошнего торгаша. И давай с ней делать попутный ветер. А батя прознал, ну и сам понимаешь.

– Прибить хотел? – предположил Олег.

Капитан Патрик всплеснул руками.

– Ха! Прибить. Он его прилюдно четвертовать хотел. Шутка ли – обесчестить единственную дочку.

– И как вывернулись? – заинтересовался Олег.

– Как, как, – проговорил капитан победно, успев отвесить подзатыльник пробегающему мимо юнге, который случайно плеснул из ковша ему на сапоги. – Доказал, что девка уже была порченная.

Матрос жалобно поддакнул:

– Не первый был я у ней!

– Ты молчи и мотай канат на ус, – повелительно отозвался капитан. – Тебе еще золото отрабатывать, что я торговцу заплатил за позор. Год. Помнишь?

– Помню, капитан. Помню...

– То-то и оно, – сурово отозвался капитан Патрик и снова повернулся к Олегу. – Прибежал ко мне на палубу. Взмывленный, глаза как у каракатицы, харя разбита. Батька-то девкин успел по мордасам съездить, пока он в окно не сиганул. И ревет мне, мол, спаси, капитан. Прибить хотят.

– Понимаю, – согласился Олег.

– Я его в трюм спрятал, – продолжил капитан Патрик. – Так-то парень он хороший и матрос годный. Дурак только, молодой потому что. Кровь горячая в голову бьет, аж ум в штаны падает.

– Верю... – снова согласился Олег, с тревогой покосившись на небо. Дождя нет, но тучи все такие же плотные и, судя по всему, будут еще плотнее.

Капитан проследил за его взглядом, послонявил палец и поднял над собой. Густые брови в задумчивости сдвинулись, он поковырял языком в желтоватых зубах и постоял неподвижно несколько мгновений, борясь с только ему известными сомнениями. Потом, что-то решив, выдохнул и продолжил чуть менее заинтересованно:

– Девка и впрямь оказалась охочей до этих дел. Мой матрос был у ней даже не третьим. Дура она, могла простынку полюбовную в камин бросить, ну или еще куда деть. А так, когда батя ейный вломился ко мне на палубу, я его обратно потащил. Говорю, показывай постель, где они миловались.

– Показал?

– Да орал сперва, – все больше теряя интерес к теме и шурясь в небо, отозвался капитан. – Но я ж не криль какой, чтоб на попятную. В общем первой крови не было, ну, бабской этой. А там уж начали на девку давить, она и созналась, что бегала к матросам уже целый год.

– А платить пришлось за меня, – пискнул парнишка, на свой страх и риск подав голос, за что тут же получил увесистого подзатыльника от капитана.

– Молчи уж, бестолочь, – снисходительно отозвался капитан и, приблизившись к штурвалу, любовно провел по нему ладонью. – Кто не пойман, тот не виноват. А ты сам дурак. Не умеешь по бабам ходить, так не лезь.

– Дак а как я научусь, коли не буду? – всхлипнул матрос.

– Канат мотай! – прикрикнул капитан и поправил повязку на голове. – Баб ему подавай. Ишь. Нагуляешься еще. Сперва море, а потом бабы. Вот как станет харя твоя такая же сухая и бронзовая, как моя, тогда и поговорим. Найдешь девку годную – сам поженю. А сейчас марш работать, криль.

– Прямо святой капитан Патрик, – пробурчал матрос, но веревку наматывать стал усерднее.

Капитан выглянул из-за штурвала и крикнул бегающим по палубе матросам:

– Эй, крысы портовые! Ром на палубе?

Матросы в разнобой загалдели:

– Давно уж!

– А то!

– Да, капитан!

Капитан удовлетворенно кивнул и выпрямился, уперев одну руку в бок, а другую приложив козырьком ко лбу.

– Тогда поднять якоря! – приказал он. – Отчаливаем.

Матросы кинулись к большим воротным механизмам с намотанными на них цепями. Они глубоко под водой держат якоря, а те, в свою очередь, крепко цепляются за дно и не пускают корабль бороздить волны. Едва моряки ухватились за ручки, как со стороны пристани донесся тонкий и чистый голосок.

– Подождите! Подождите! Я уже здесь! Это я, Шарлотта! Я не опоздала!

Все разом оглянулись. По причалу, стуча каблуками, бежит невысокая блондинка в мужских брюках и блузке без корсета, а достойная грудь радостно колыхается в такт. Волосы развеваются на ветру, на голове мужская шляпа с узкими полями, а за собой тащит огромных размеров саквояж.

Как козочка, девушка успела пробежать по трапу, пока растерянные матросы главели на нее, замерев кто в какой позе. Самостоятельно поднявшись на палубу, она красиво откинула солнечную прядь с плеча и обмахнулась ладонью.

– Ох, ну и жара сегодня, – прощепетала она и обнажила в ослепительной улыбке жемчужные зубы, что значит здоровые, а для этих мест такое редкость. – Я так бежала, так бежала. С самого севера города. Представляете, возницы не берут пассажира, если он не платит вперед? Когда такое было? Ох, ну главное, что все закончилось хорошо, и я успела. А как вас зовут?

Капитан Патрик, занятый в этот момент компасом, буркнул со вздохом, не поднимая головы:

– Еще одна пассажирка. Шарлотта. Взял. Умеет таверная уговаривать.

Блондинка оглядела разом экипаж, капитана Патрика, Олега и Люсиль, которая вмиг помрачнела, но подбородок задрала еще выше, демонстративно отшагнув в сторону от свалившейся на голову девицы. Та обратилась ко всем сразу и улыбалась все лучезарнее.

Матрос рядом с ней густо покраснел и что-то смущенно пробормотал, принявшись в одиночку поднимать трап, а девица, не дожидаясь ответа, на пару секунд остановила загадочный взгляд на Олеге, ее ресницы счастливо затрепетали, но обратилась она к капитану Патрику.

– О, капитан Патрик, вы уже здесь! Как здорово. Прошу прощения, что устроила такой переполох. Сама не ожидала. Где вы позволите мне разместиться?

Шарлотта сияет легкостью и простотой, которая так нравится мужчинам, улыбается и придерживает саквояж, который судя по напрягающимся рукам, непомерно тяжелый для такой хрупкой и миниатюрной женщины. Но она только улыбается и светится.

– Настоящая женщина, – заметил Олег многозначительно. – Все сама, все сама...

Один из матросов услышал и тут же спохватился, кинувшись к ней. Делал он это вычурно и красиво, желая выглядеть мужественно, но когда ухватил ручку саквояжа, пораженно крикнул, мышцы на загорелых руках напряглись, вены вздулись.

– Ого! – изумился он. – Мисс Шарлотта, как вы такое таскаете?

Та посмотрела на него так светло, что матрос расплылся в глуповатой улыбке.

– Что поделать, – прощепетала она. – Не нашла достойного помощника, вот и ношу сама. А там походный мольберт, кисти, краски. Все такое нужное!

Глаза матроса распахнулись, он прижал свободную руку к груди и выдохнул с жаром:

– Хотите, я буду вам носить? Я хороший матрос! Сильный! Вон глядите, какие мускулы!

В подтверждение слов он согнул руку в локте, демонстрируя крепкий, бронзовый бицепс опытного моряка.

– Глядите какие! – настойчиво продолжил он. – Настоящие! Не какие-то там, как у этих! Вон потрогайте.

На молочных щеках девицы проступил легкий румянец, она смущенно заморгала.

– Ой, ну, наверное, не стоит. Я вам верю, сэр моряк.

– Потрогайте-потрогайте, – расплываясь в счастливой улыбке, настоял матрос. – И зовите меня просто Жан. Я вовсе не сэр.

Шарлотта робко протянула руку к его мускулам и сжала тонкими пальцами выпуклую мышцу, загорелое лицо моряка радостно просияло, а улыбка стала еще глупее.

– И правда, – все еще краснея, констатировала девушка и убрала руку, – очень крепкие. – А я и говорю!

Олег с вялым интересом наблюдал за происходящим, время от времени поглядывая в сторону моря и на чаек, которые вроде и не сильно нервничают, но все же кричат над водой. Он заметил капитану, пока все сосредоточились на прибывшей:

– Погода сомнительная.

Тот отмахнулся.

– Чайки? Да? – отозвался капитан Патрик. – Да не обращай на них внимания. Это ненормальные чайки.

– Это как? – не понял Олег.

– Да так. Нормальные орут к дождю, а к буре сбиваются на берегу и садятся в песок. А эти орут, когда жрать хочется. И когда не хочется. И вообще, орут по делу и без. Последнее дело их приметить.

Олег указал взглядом на затянутое тучами небо.

– А это?

Капитан скривился, но кивнул.

– Это может чем-то обернуться, – согласился он. – Но у меня сроки. Яиц нагрузили три сотни, бочками с козым молоком весь трюм заставлен. Если завтра не привезу, да не сгружу – протухнет. А у меня и так в трюмах не цветами пахнет. Будем отчаливать.

Чуткое нутро волхва шевельнулось, предвещая недоброе, но он смолчал и кивнул, а капитан добавил:

– Подсоби на гребле, пока будем выходить из бухты.

Олег спустился к матросам и сел на весла к остальным. Поприветствовали его сухо, но беззлобно. Служба на корабле не самая простая, все понимают, что не от хорошей жизни на нее идут, матросы терпят друг друга, ибо терпеть придется весь путь через море, а он неблизкий.

Капитан тем временем снова развернулся к команде и крикнул зычным голосом прожженного морского волка:

– Отчаливаем! Отдать швартовы, сухопутные крысы!

Моряки снова засуетились, палуба наполнилась топотом обутых и босых ног, зазвучали бодрые команды. Бородатый мужичок в кожаной жилетке, судя по деловому виду и прямой спине – старший помощник капитана, прокричал:

– Весла!

Матросы разом подняли весла и заняли исходное положение для начала гребли, Олег повторил за ними.

– На воду! – снова скомандовал старший помощник. – Раз! На воду – два!

Матросы-гребцы ритмично заработали веслами, Олег быстро приспособился к их движениям. Мышцы моментально налились могучей силой, давно забытой и совсем недостойной мирного мыслителя. Картинка медленно сдвинулась и плавно пошла в сторону, очень ненавязчиво, но все же отдаваясь. Корабль отчалил, решение принято, теперь точно нет пути обратно. Хотя обратно пока еще можно вплавь. Олег нахмурил лоб и сделал очередной мощный рывок, отталкиваясь веслом от толщи воды и оставляя позади все, чему там и место. Мир нуждается в улучшении. Надо только понять, как сделать лучше всем.

Тело работало уверенно, словно не давало забыть – он сделан из плоти и крови, вышел из древнего леса, где это тело грызло, впивалось убивало, чтобы добыть себе пропитание. Олег мрачно сдвинул брови, с еще большей мощью наваливаясь на весла: отшельнику и аскету забо-

титься о силе брентного тела – дело последнее, все только в ум и в мысли, но иногда приходится и мясо жрять. Олег вздохнул и безмолвно сказал себе – так надо. Миру нужно его вмешательство, поэтому он вынужден снова спуститься к делам мирским, чтобы сделать важное для всего человечества дело. Великую мысль он еще не постиг, но не для того поднимался к богам вместе с Мраком и Таргитаем, опускался в Адское пекло, скитался по селам и весям с Томасом, чтобы незрелое человечество все испортило. Верно он сделал, что отправился с Люсиль, потому как идут в одну сторону.

Старший помощник тем временем командовал все быстрее, судно резво покидало бухту, маневрируя в узких проходах между другими кораблями.

– Весла – раз! Весла – два! – бодрым голосом морского волка кричал он.

Олег греб уверенно, напористо и сосредоточенно, хотя мысли его где-то далеко пытались заглянуть за край и узреть вселенскую Правду.

– Эй, рыжий, ты так не налегай, – донесся голос из-за спины. – С такой дурью нас разворачивать начнет. Полегче, полегче.

Не прекращая грести, Олег обернулся. Матрос с желтыми зубами, такими же, как у половины команды, шурится на него с осторожностью, Олегу показалось – с недоверием и опаской.

– У тебя, часом, родни среди марлинов нет? – спросил моряк, продолжая греблю.

– Кого? – не понял Олег.

– Рыба такая, – пояснил матрос, – быстрая, как шквал.

Матрос впереди Олега недовольно бросил через плечо, которое вздувается от натуги, мышцы надуваются и проступают жилы:

– Не поминай шквал в море.

Олег стал чуть мягче налегать на весло и поинтересовался спокойно:

– Суеверные?

Матрос позади отозвался, кряхтя от натуги:

– Все моряки суеверные.

Олег промолчал. Уже и корабли строят хорошие, и города большие, а все суеверия, все вера в силы, что руководит жизнью людской. И никак человек не хочет брать ответственность за судьбу в свои руки. А может, и хочет, но не знает как. Или знает, а ему не дают те, кто считает, что знает лучше.

Старший помощник подал громкую команду:

– Суши весла! Шабаш!

Судно вышло из бухты и, ложась на курс, резво пошло по волнам. Часть матросов поднялась с лавок и занялась другими делами – кто стал вязать канаты, кто катать бочки, другая часть с ожиданием уставилась на старшего помощника. Тот прокричал зычным голосом:

– Поднять паруса!

Матрос, что суеверно предупреждал не поминать шквал, окликнул Олега:

– Давай с нами. А то рук не хватает.

Олег ответил:

– Как скажешь. Только я не моряк, если что. Подсказывайте.

– Да не бойсь, – успокоил матрос и оскалился желтыми зубами, видимо пытаясь улыбнуться. – Научим. У тебя вон плечи какие, только по мачтам прыгать да мечом махать.

Другой матрос на веслах хмыкнул.

– Мечи и шпаги уже не самое страшное. Вон пистолеты-эспиньоли, мушкеты да пушки – вот настоящая мощь!

– Ты вилок пользоваться научись, – хохотнул первый моряк. – Эспиньоль ему.

Олег промолчал, но отправился за матросом. Зря моряки считают его воином. Воин это воинственный, смелый, готовый к ратным битвам и славным подвигам человек. В душе Олег давно признался, что трус. Одна только мысль о битвах, страшной боли, которая преследует в

сражениях и драках, приводит в ужас, сердце колотится, как у зайца, а в голове шепчет позорное – беги. Потому как он у себя один, а его светлая голова мыслителя обязана найти великое решение для всего человечества, и глупо потерять ее в никому не нужном сражении. Правда, сражения в его жизни были. И столько, что на сотню веков хватит.

Матросы капитана Патрика работали споро и резво – натягивали канаты, перебрасывали их через мачты, дергали крюки и вязали узлы.

– Трави майна!

– Есть!

– Трави вира!

– Есть!

Олег вписался их компанию молча и гладко, вместе с ними лазал по перекладинам, пеньковым лестницам, вниз старался не смотреть – от высоты кружилась голова, а на спине выступал холодный пот.

– Это для дела, – для ободрения бормотал он пересыхающим от ужаса языком, – для великого дела, которое снова позвало меня в путь.

Никто не узнал, что на мачте в четыре десятка метров, сердце у него почти пробило грудную клетку, а живот в страхе свело судорогой. Минуты казались вечностью, но в результате паруса распахнулись, как крылья гигантской птицы Рух, и корабль резвее понесся по волнам.

Вытерев взмокший лоб, Олег, не имея новых заданий, слез с мачты и перебрался обратно на капитанский мостик.

Там выдохнул и сел на небольшой короб, пользуясь минутой уединения. Он перевел взгляд на море. На воде лишь небольшая рябь, может, и прав капитан – местные чайки не в меру прожорливы, потому и орал у берега, как потерпевшие. Но опыт говорит, что пернатые крикуньи беспокойно летают над самой водой к непогоде. В его силах было решить – отправляться или сойти на берег. Но это сулило неправильное. Даже не потому, что две женщины останутся на корабле одни в окружении оравы матросов не самого благочестивого воспитания. А в артефакте. Меч должен быть найден. А как с ним поступить – Олег уже решил и отвел ему роль самую правильную и верную.

Женщины все еще ждут на палубе у самого мостика. Люсиль жмет к борту, но подбородок поднят, спина прямая, а вид гордый, неприступный, и говорит, что челядь вокруг ей не чета. Матрос, который назвался Жаном, терпеливо стоит рядом с блондинкой, с опаской косясь на капитана, и держит ее саквояж. А опасаться есть чего – он ведь не греб с остальными, пока выходили из бухты, а значит, можно получить от капитана по шее.

Женщины внизу довольно близко, Олегу хорошо слышно, как недовольно сопит Люсиль, и видно, как она морщит хорошенький лобик. Зато блондинка светится счастьем, как утренняя птичка. Пока судно отчаливало и выходило из бухты, она с восторженными возгласами стояла у правого борта, тонкие руки вскидывались, она махала кому-то на берегу.

– Всего хорошего! Всех благ! Мы отплываем! О, какое это будет путешествие!

Люсиль все это время молчала, важно поднимая подбородок и сжимая губы.

Теперь Шарлотта начала заигрывать с матросом, ослепительно ему улыбаться, и Люсиль не выдержала.

– Да в самом деле, – бросила она, когда щебет блондинки стал особенно высоким, – что вы как ребенок, в самом деле?

Шарлотта обернулась к Люсиль, глаза круглые, как у олененка, пухлые губы раскрылись в изумлении, она прочирикала звонко:

– Великие мудрецы учат – чтобы сохранять молодость и здоровье, нужно всегда оставаться детьми.

Люсиль наступательно шагнула на блондинку, руки скрестились на груди, она фыркнула:

– Не дай бог.

– Почему же? – удивилась Шарлотта.

– Тогда мир наполнился бы инфантильными глупцами, – констатировала Люсиль уверенно.

Изумление на лице Шарлотты стало еще сильнее, она снова скользнула заинтересованным взглядом по Олегу и проговорила:

– Вы совсем неправы, мисс... Как вас зовут? Вы не представились.

Глаза Люсиль сверкнули стыдом и негодованием.

– Прошу прощения, – с натянутым благодушием произнесла она. – Можете обращаться ко мне мисс Люсиль.

– Очень приятно, мисс Люсиль, – ответила блондинка так, как отвечают женщины, которые осознают свою красоту и умеют ею пользоваться.

Люсиль натянуто улыбнулась и указала головой на Олега.

– А это, – сообщила она, – пастор Олег. Он любезно согласился сопроводить меня в путешествии по важному делу.

Глаза Шарлотты заблестели, как у кошки, она ласково проговорила, не сводя взгляда с Олега:

– Ох, очень приятно, пастор Олег. Надо же, никогда бы не подумала, что вы пастор. Если бы все сановники выглядели так, грешниц в мире стало бы значительно больше.

Щеки Люсиль покрылись красными пятнами, грудная клетка с шумом наполнилась воздухом и поднялась, а сама она стала похожа на раздувшуюся кобру, готовую к броску.

Олег вновь отвернулся к морю, отрешаясь от женского щебета, который как звон колокольчиков, местами приятный, но непонятный. Корабль, тем временем, набрал скорость, и теперь на парусах скользит по синеве открытого моря. Чайки остались у берега, Олег оглянулся – те белыми стайками носятся вдалеке над кромкой воды, их хохот еще слышен. Но скоро он долетать перестанет.

Чем дальше отходило судно, тем лучше становился обзор суши. Сколько Олег провел времени на этом острове, он не помнил, но когда прибыл сюда с какими-то то ли кельтами, то ли пиктами, здесь были густые леса и скалистые берега. А теперь выросли города, деревни, пристани уходят деревянными языками в воду, а в бухтах на волнах покачиваются корабли. Растет мир, расширяется.

– Олег, – обратился к волхву капитан Патрик, он успел незаметно отправить трещащих женщин в каюты, а за ними ушел и матрос, вызвавшийся помочь Шарлотте, – а ты правда пастор?

Олег вздрогнул, выпав из мыслей, в которые так старательно погружался и где почти нащупал, куда думать, и повернулся к капитану.

– А?

– Говорю, правда, что пастор? – повторил капитан Патрик. – А то я вон тоже подумываю однажды заняться служением.

– Вот как?

– Ты не подумай, я не фанатик, – кивая, проговорил капитан Патрик. – Красивых девок жечь не собираюсь. Мне добро делать охота. Как заработаю на безбедную старость, так можно и в пасторы. А чего? Буду проповедовать, чтоб не чинили непотребств, жили в любви и согласии. А не как моя матросня, что по окнам прыгает, девок портит. Надо ж как-то по-людски, что ли.

– Надо, – согласился Олег.

– Так вот и я об том. Будет у меня тихая гавань. Будет.

Далеко за тучами поднялось солнце, Олег даже сквозь облака чувствует частицы света и тепла. Древнее светило столько веков дарит жизнь всему сущему в мире. Раньше оно было богом, могущественное солнце под разными именами выкатывалось на огненной колеснице и мчалось по небу до самого края. А там его сменял другой бог. Сейчас одни обмельчали,

другие закаменели, иные взяли новые имена, чтобы остаться с людьми, как Перун, который просит звать его Ильей или Велес, который теперь называет себя Николаем. Но все так же покровительствуют человечеству.

Олег откинулся на борт и сомкнул веки, пока его никто не нагрузил новым делом. Ветер приятно холодит щеки и открытые руки, мысли потекли плавные, размеренные, а через пару мгновений пространство задрожало, всколыхнулось. Не размыкая век, Олег узрел на берегу реки исполинского детину. Река кишит рыбой, мясистые брюхи и яркие плавники сверкают на солнце, рыба выпрыгивает из воды и с плеском ныряет обратно. Детина орет и тыкает пальцами в рот, но рыба в него не прыгает, а продолжает плескаться в воде.

– Голодный, – заключил Олег.

– Еще как, – согласился знакомый голос.

– Яфет? Тебе на это смотреть не тоскливо? – поинтересовался Олег с досадой.

Яфет ответил печально:

– Тоскливо. Но я со своим замыслом сам знаешь, куда зашел. А детина все орет, да требует пищи.

Олег спросил со слабой надеждой:

– Духовной?

В голосе Яфета прозвучало разочарование и бессилие.

– Какой там. Хлеба и зрелищ, как всегда. Сколько времени прошло, а народ не меняется.

Наверное, не помочь человечеству, Олег.

– Не верю, – упрямо проговорил Олег.

– Ты идеалист. Хочешь, чтобы всем было благо, – отозвался голос Яфета. – Но так не бывает. Всегда кто-то будет в упадке.

Олег повторил:

– Не верю.

Яфет продолжил:

– Даже в природе волк ест зайца. Не то чтобы заяц виноват и я только рад, если бы он остался жив. Но тогда волк и его детеныши погибнут от голода. Все в мире взаимосвязано, Олег. Не получится сделать всем одинаково хорошо.

Детина продолжал орать и требовать еды. Хотя рядом с ним полно рыбы, нужно лишь поймать ее да обжарить. А с голодухи можно и сырую съесть. Однажды Олег был очень далеко на востоке в стране маленьких людей, которые говорят на чирикающем языке, так они с удовольствием ели и сырое. Но детина не знает, как поймать себе еду и потому орет.

– Они должны научиться, – с нерушимой уверенностью сказал Олег.

– Да сколько уж раз пытались...

– Значит, не так пытались, – заключил Олег. – Надо иначе.

– И как?

– Как додумствую, так скажу.

Видение исчезло, Олег открыл глаза и устремил взгляд к горизонту. Пока он заглядывал за край и зрел правду, хоть и непонятную, настал день, такой же пасмурный и серый, как утро. Море покачивает корабль, ветер раздул паруса и несет судно навстречу неведомому, высокие мачты из массивного дерева поскрипывают, словно переговариваются, рассказывая друг другу о странствиях.

Детина из его видения напоминает человечество, которое бьется головой о потолок, но никак не может его пробить. Колдунов и магов в мире нет, а если и есть, то это уже не маги, а так, дети неразумные. Магический дождь почти иссяк, остались не то что капли, а так, утренний туман. Но человечество все еще незрелое, надеется на что-то, словно спустится с небес спаситель и накормит пятью рыбами.

– Негоже, – проговорил Олег себе.

– Выспался? – поинтересовался капитан Патрик, придерживая отполированный грубыми руками штурвал. – Я тебя не будил, мало ли, не выспался человек. Так пушай на корабле поспит. Корабль он убаюкивает, если морской болезни нет. У тебя ж ее нет?

Олег покачал головой.

– Давно нет.

– Ну и славно, – отозвался капитан кивая. – Значит, бывалый?

Олег пожал плечами.

– Да как сказать. Но море видал. Хоть и родился далеко от него.

Капитан Патрик скользнул по нему взглядом и поправил повязку на голове.

– Да по тебе и видно, – сказал он с кряхтением. – Звероватый, рыжий, глаза зеленые, лицо какое-то...

– Какое?

– Да не знаю, – честно признался капитан Патрик. – Печать лет будто на нем суровая. Я, по правде, сперва не хотел тебя брать, как увидел. Но хозяйка таверны уговорила. Добрая она баба, дурного не подсунет.

– Да я вообще добрый, – мирно заметил Олег.

Капитан посмотрел на него с сомнением, брови зашевелились, Олегу почудилось, что слышит скрип извилин в голове капитана.

– Угу, – неуверенно согласился капитан Патрик и кивнул. – Знавал я таких. Мирный, спокойный, а потом как вдарит, неделю синяки сходят, да ребра заживают. Ну да ладно, надеюсь, без этого сможем. Ты это, пастор Олег, подсоби матросне моей в такелаже. Пенька у меня смоленая, годная. Сейчас паруса добавим, ласточка моя быстрее полетит.

Глава 5

На этот раз с парусами матросы справились без Олега, крылья судна раздулись шире, и оно понеслось резвее по водной глади. Следовало найти Люсиль, она хоть и смелая, как и подобает тем, кто пустился в опасное странствие, но безрассудная, что совсем ей не помогает.

Олег спустился с капитанского мостика, в который раз косясь на море и серое, затянутое тучами небо, которое сейчас выглядят мирно, но что-то беспокойное ворочается в груди. Сколько раз он видел капризы природы, которая бывает обманчива – солнечный день вмиг сменяется ураганом, а маленький ручеек в горах превращается в бурную реку, которая в минуту вспухает, таща и переворачивая гигантские валуны.

Но капитан Патрик молча крутит штурвал и хмурится, глядя в морскую даль. По лицу видно – моряк бывалый, должен понимать, какие неожиданности могут поджидать на воде. Уж если он не бьет тревогу, так, видать, нутро Олега скручивает от беспокойства по другой причине.

Он спустился еще ниже за грот-мачту к каютам, ступеньки жалобно заскрипели под его богатырским весом, что недостойно для волхва. Ему положено медом да акридами питаться, чтобы тело обрело легкость и не мешало погружаться в серьезные размышления. Однако, для дел в миру нужна пища куда более низменная, но питательная. Мясо. Мощь от него увеличивается, но и мускулы растут, тяжелые и крепкие.

Кают Олег насчитал в этом отсеке всего три. Из-за левой двери доносится тихое, лучезарное пение, Олег моментально распознал Шарлотту. Судя по шороху, блондинка раскладывает вещи и пританцовывает от счастья. За двумя дверями слева тихо, но первая будто бы уютнее. Там расположилась Люсиль. Олег предусмотрительно обошел ее и вошел в пустую каюту, которая сразу следом.

Внутри аскетично – койка, тумба, полка, все прикручено к полу и стенам, чтобы не двигалось во время качки. За круглым окном бесконечное море и тревожное небо.

Олег лег на кровать и закрыл глаза. Усталости нет, хотя руки гудят – отвык от физического труда, и теперь кровь резво и радостно бежит по венам. Они снова вернутся в благодатную легкость, когда Олег найдет легендарный Меч. Он мощный артефакт, удивительно, что кинулись разыскивать его только сейчас, а не раньше. Со Святым Граалем они с Томасом поступили мудро. Как и с остальными предметами силы. И все же всегда будут те, кто жаждет получить их силу и стать полновластными ее обладателями. Люсиль лишь первая ласточка. Будут и другие.

Пол за дверью скрипнул, Олег, не размыкая век, догадался – Шарлотта. Люсиль хоть и стройная, но весит все же чуть больше козы. А эту и ветром сдует в непогожий день.

Олег сделал вид, что спит, но скромный стук в дверь все равно раздался. Он продолжал молчать, тогда дверь скрипнула, чуткий слух человека, возвращенного Лесом, уловил едва слышную поступь. Шаги мягко, осторожно приблизились, дыхание девицы слабое, старается быть незаметной. Но Олег, уловив небольшое колебание воздуха, выбросил руку вперед, пальцы резко сжали хрупкое плечо. Раздался женский вскрик.

– Ай!

Олег открыл глаза. Шарлотта застыла у его койки, согнув ноги в коленях, в руках кружка и деревянный коробок, синие глаза круглые, как у напуганного олененка.

– В чужие спальни без спросу входить не положено, – проговорил Олег и отпустил руку Шарлотты. – Знала об этом?

Все еще дрожа, она выпрямилась, ресницы растерянно запорхали, она сглотнула и вернула на лицо лучезарную улыбку.

– Я видела, как ты работал с матросами, – сказала она дружелюбно. – Вот, принесла поесть. Чтобы силы восстановить. Мужчинам надо хорошо есть. Вам еще нас, слабых и хрупких, защищать.

Она поставила коробок на стол, когда крышка открылась, Олег уловил запах вяленого мяса и козьего сыра, ноздри затрепетали, сегодня он уже ел, но инстинкты организма, который все еще животное, работают быстрее ума. Пока.

– Сыр самый свежий, от нубийских коз. Это совсем новая порода. Только-только вывели, – радостно сообщила Шарлотта. – Я жила на постоялом дворе, хозяйка там держит небольшое стадо. С козлятами. Такие милые, бегают, хвостиками машут. С одной козы больше трех литров молока. А какое вкусное! Вот, попробуй. У меня с собой целая бутыль.

Она протянула Олегу кружку. Молоко в ней белое, густое, по запаху чуть кислее коровьего. Олег знал, что козье молоко куда полезнее. Он взял кружку и сделал глоток, нутро отозвалось приятной благодарностью. В действительности нубийским козам почти десять тысяч лет, их привезли из далекой жаркой страны песков. А те, о которых говорит Шарлотта – англо-нубийская порода, ее и правда вывели недавно, когда соединили с ангарской козой из Англии.

– Хорошее, – поблагодарил Олег, выпив все до последней капли, и поставил кружку на стол.

Глаза Шарлотты счастливо засветились, она хлопнула в ладоши, голосок стал еще тоньше и напомнил птичью трель.

– Как я рада, как рада! Ты поешь еще, мужчинам надо есть.

Девушка радовалась и сияла больше, чем на палубе, улыбка такая милая, что даже неестественная.

– А сама? – поинтересовался Олег.

Шарлотта отмахнулась.

– Да я обойдусь. Я уже поела. Так сытно, что даже не хочется. Я вот лучше с тобой прилягу и полежу. На краешке. Можешь даже не двигаться. Да-да, лучше не двигайся.

Внутреннее чутье Олега слишком поздно распознало неладное. Слишком уж дружелюбная она, дюже ласковая и покладистая, а за таким всегда кроется обратная сторона, которая прямая противоположность.

Он попытался встать, но тело ослушалось, руки налились свинцом, ноги стали каменными, а голова приковалась к подушке.

– Кто ты? – спросил Олег медленно немеющими губами.

Женщина примостилась рядом на койку, Олег ощутил живое тепло мягкого женского тела, в то время как его собственное холодело все быстрее. Ее пальцы пробежались вверх по его груди и остановились на могучей шее.

– Какая крепкая, – с улыбкой сообщила она. – Душить такую, если придется, будет сложно.

– Кто ты? – повторил Олег.

Голос вырвался с хрипом, связки в горле неумолимо дубели, как плохо выделанная кожа. Девушка хихикнула.

– Я ведь сказала, зовут меня Шарлотта, – проговорила она. – Это все, что тебе нужно знать перед смертью.

Каменное оцепенение все сильнее растекалось по телу, Олег чувствовал, как немеют внутренности. Когда яд поразит сердце и голову, ему придет конец.

– Чем ты меня? – сдавленным голосом спросил Олег.

Ответ ему не требовался, но лицо девушки слишком выразительно, по нему можно понять гораздо больше, чем пытается скрыть. Например, ее взгляд время от времени бежит, а тело горячее, что значит волнуется, а коли волнуется, стало быть, убийство для нее непривычно. Раз так, значит, в этом есть нужда. А нужда у молодой женщины в таком недостойном деле может

быть лишь против воли. Приказ от кого-то могущественного, того, перед кем она трепещет и готова выполнять любые требования.

– «Ведьмин наперсток», – сообщила Шарлотта довольно, ее тонкие пальцы потрогали яремную впадину Олега, надавили, он скривился. – Как жаль тебя убивать. Слишком хорош для смерти.

– Раньше думать было надо, – с напряжением выдавил Олег. – Кто твой хозяин?

Сосредотачиваться все труднее, отравы распространяется по телу, не быстро, но все же капля за каплей завоевывает место. Картинка поплыла, сердце стало биться неровно и дергано колотиться в грудную клетку, подступила дурнота. Олегу хорошо известны эти симптомы приема опасного растения, смертельная доза «ведьминого наперстка» – всего пара крепких щепоток. Для него надо побольше, даже с учетом его многолетнего отшельничества. И все же яд продолжает наступать.

– Ну?

– Что «ну»? – удивилась Шарлотта.

– Кто послал? – совсем осипшим голосом потребовал Олег, перед глазами поплыли цветные пятна, лицо девицы стало расплываться.

– Те, кто достоин править этим миром, – с пылкой гордостью в голосе сказала она.

Олег поморщился, сердце пропустило еще один удар, дышать стало труднее. Стало быть, его догадка верна – не только Люсиль отправилась разыскивать древний Меч.

– Значит, за Люсиль следили? – прохрипел волхв.

Шарлотта притворно улыбнулась и проворковала:

– Догадливый. Меня предупреждали, что ты непрост. Но твои умения преувеличены. Ты всего лишь мужчина, а мужчина всегда у женских ног.

Внутренние органы Олега медленно холодели, тело наливалось тяжестью, а воздуху в легкие становилось проходить все труднее. От натуги в голове загремели колокола, Олег скривился и выдавил:

– Разбойники, что напали на нее, тоже ваша работа?

– Эта предательница достойна самой суровой кары, – с ненавистью прошипела блондинка. – Она должна ответить за свое вероломство. Но ты свалился как снег на голову и испортил весь план!

– Я могу, – хрипло согласился волхв, глотая воздух, как выброшенная на берег рыба.

Лицо Шарлотты покраснелось, глаза сверкнули неудержимой враждебностью, она нависла над Олегом, кривя рот.

– Поэтому мне приказано устранить сперва тебя, чтобы уже не помешал. Правы были мои наставники – мужчину легче всего победить женщиной. С воинами ты справишься, со мной – нет. Я расправлюсь с тобой, а потом уберу эту еретичку! – проговорила она в лицо Олегу, обдав горячим дыханием.

Он старался беречь воздух, но выговорить все же смог:

– И кто тебе приказывает?

– Самые великие! – с жаром выпалила Шарлотта.

Грудь Олега сперло, он выдавил:

– Сколько таких было...

Девица со злорадной ухмылкой прижалась к нему грудью, тепло ее тела все жарче, а значит, его собственное остывает, хоть и медленно, но все же. Она поерзала и прошептала в ухо:

– Таких, как мы, не было.

Затем очень бодро перевернулась и оседлала Олега, синие глаза сверкнули безумием, улыбка превратилась в бешеный оскал.

– Долго же ты умираешь, – прошипела она с раздражением. – Откуда ты взялся. Только мешаешь.

– Доля такая... – прохрипел Олег холодными губами, – мешать безумцам...

– Не смей так говорить! – взвизгнула Шарлотта, Олегу почудилось, что перед ним не женщина, а целая кикимора. – Мы избранны всевышним!

Руки с тонкими пальцами потянулись к шее Олега и почти ухватили ее. В этот момент судно сильно накренилось, Олег остался на койке, но Шарлотта не удержалась и грохнулась на пол, раздался злобный писк.

– Это еще что? – в запале выкрикнула она и подскочила.

Корабль креном повело в другую сторону, девица нелепо растопырила руки, и семенящими шагами ее понесло к стене с круглым окном. Часто стуча каблуками, она промчалась через каюту и влипла лицом в иллюминатор.

– Только не это! – выдохнула она, глядя через него на море.

Когда развернулась, в глазах Шарлотты застыли ужас и растерянность. Она бросила неуверенный взгляд на Олега, словно больше не знает, что делать, затем дернулась было к нему, но в последний момент с досадным стоном махнула рукой и бросилась к выходу из каюты. Качаясь от крена, Шарлотта кое-как добралась до двери и вывалилась в нее, слышались частые удаляющиеся шаги в коридоре. Олег остался один.

Корабль качало все яростнее, от ударов волн скрип его старых досок был похож на плач – судно не ожидало встретиться с непогодой. Как и его капитан. Хотя Олег предупреждал его, тревожился и опасался. Видимо, все же чайки не такие безумные, и предсказывали они шторм, а не только хотели рыбы.

Олег облизал пересохшие губы. Даже если команде он и не помощник, то, если судно пойдет ко дну, яд в его теле только усугубит дела. Да и в соседней каюте Люсиль, хрупкая, хоть и дерзкая, сейчас, вернее всего, перепугана до икоты. Без его помощи она либо не переживет шторм, либо не доберется до Меча – блондинка дала понять, что Люсиль в опале. Еще стоит разобраться, у кого. Но мысль о собственной кончине в пучине волн сжимает нутро в узел, а сердце заставляет сокращаться быстрее.

Новый крен судна поднял правый край койки так, что перевернул Олега. Его заплочный вещмешок теперь на расстоянии вытянутой руки. Нужно только дотянуться и взять. Там полезные травы и снадобья. Коли отравили его «ведьминым наперстком», то есть у него белый порошок против такой заразы.

Пока корабль боролся с волнами, организм Олега пытался побороть яд. Тело не слушалось, вещмешок совсем близко, на полу, но руки не поднять. Сил не осталось даже на крик, чтобы позвать на помощь. Да и кто к нему придет, когда вся команда сражается с непогодой.

Мертвенный холод, словно дыхание самой Мары, коснулся пальцев на ногах и медленно пополз вверх. Сердце в панике участило ритм, он стал поверхностным, резким, что только помогало яду быстрее захватить тело.

– Не пушу... – зло прохрипел Олег.

Олег повидал смерть достаточно и в разных формах, на его глазах рождались и умирали люди, города, страны и целые эпохи. И все же со своей смертью Олег встречаться не торопился.

Он закрыл глаза и сделал глубокий, до хруста ребер, вдох, выдох. Затем еще и еще, пока не стал дышать по-особому, чему научился в пещерах, что всегда помогало забывать о мирском и свободно улетать мыслями к самому Краю бытия. Олег все погружался в дыхание, пока оно не замедлилось, а вместе с ним и биение сердца. Тело застыло в ожидании, но сейчас не время мчаться к Краю, он покинул аскезу для очередного спасения мира. Потому Олег сосредоточился на кровавом русле, на внутренностях, многие из них уже сковал яд, но если сердце не бьется, то яд и не движется.

Главное не пропустить момент, когда кровяной насос придется запустить снова. Но надо выждать, вытерпеть, пока не выдавится яд, не выйдет насквозь через вены и кожу. Его тело умеет справляться с отравami такого сорта, нужно лишь терпение.

Олег погружался в отрешение все сильнее, теперь он видел себя сверху неподвижным на койке. Кожа бледная, губы синие, а от тела к нему тянется блестящая нить, накрепко соединившая тело мысли и тело материи. Каюта качалась все тревожнее и настойчивее, снаружи усилился грохот волн о борта, шум и крики матросов. Давая телу вывести яд, Олег в незримом для взора виде переместился за пределы корабля и повис прямо над морской пучиной. Она кипит и бурлит, словно взбесилась и вознамерилась погубить хлипкое судно. В бестелесности Олег равнодушен к погоде и сырости, но густая пена на гребешках волн и россыпи брызг означают промозглый холод и озноб.

Волны, похожие на спины гигантских морских чудовищ, перекатываются под ним темно-фиолетовые и черные, море и небо слились, окрасив друг друга чернотой. Откуда-то протяжно завывает и стонет кто-то, похожий на голодного одинокого зверя, который в последний раз смог поймать добычу.

– Эй! – прокричал Олег. – Что за напасть? Выходи, потолкуем!

Вой усилился, ветер стал резче и яростнее, Олег, продолжая висеть над водой, оглянулся на судно – его треплет на волнах, как щепку, матросы, похожи на муравьев, что пытаются спасти гнездо от неминуемого вторжения муравьеда.

– Упертый, – проговорил Олег себе.

В звоне ветра и каждом всплеске волн слышно божество морей, когда-то мощное и властное, а теперь потерявшее былую славу. Но говорить с Олегом оно отказывается, во всяком случае, в таком бестелесном виде. Кто бы подумать мог, что в этом заброшенном краю еще жива вера в старых богов. С другой стороны, как раз в захолустьях у них и есть шанс сохраниться, потому как невежество – приют для духов.

Вернувшись в каюту, Олег воссоединился с телом и прислушался к нему. Организм пока в состоянии, которым бахвалятся народы на востоке, когда тамошние мудрецы сидят на скрепленных ногах, не едят, не пьют, не ходят до ветру и со временем превращаются в человеческую курагу. Они живы, но внешне похожи на мумий. Его звали впасть в такую аскезу, где сможет соединиться с Великим. Там не придется думать, будет бесконечное блаженство. Олег решил, что соединение с Великим не поможет осчастливить человечество, и отказался. Но состояние это освоил хорошо, и сейчас оно полностью вывело из его тела яд.

Разлепил веки Олег с таким трудом, будто к каждому из них привязано по пуду. Голова гудит, кружится, во рту разве что песок не хрустит – так пить охота. Но сердце спокойно и ровно перегоняет кровь по телу, дыхание тихое. Он пошевелил пальцами – слушаются. Ноги – тоже.

Собрав силы, Олег уперся ладонями в койку и сел. Его тут же больно швырнуло на пол, потому как корабль поймал крен. Тело еще слабое, Олег не успел сгруппироваться и стукнулся подбородком.

В момент, когда он валялся в самой неподходящей для мудреца позе, дверь каюты с грохотом распахнулась, на пороге возникла бледная Люсиль. Глаза широко распахнуты, губы дрожат.

– Пастор Олег! – закричала она. – Что же нам делать! Там такой шторм начинается!

Упираясь ладонями и коленями в пол, Олег повернул к ней голову, после яда и умышленной остановки всего тела голос прозвучал хрипло и прерывисто.

– Сумку... подай.

– Что? – не поняла Люсиль, она судорожно цеплялась за дверные косяки, чтобы удержаться в вертикальном положении.

– Подай, говорю, вещмешок мой... – снова прохрипел Олег.

На белом лице женщины застыло непонимание. Она закусила губу и стала пробираться к сумке на полу, не сводя перепуганного взгляда с Олега. Пока Люсиль перемещалась по каюте, ее качало, а руки нелепо взмахивали, ловя равновесие, доски под ней жалобно скрипели, будто весит она не как козочка, а словно целый бык.

– Зачем вам сумка, пастор Олег, – пролепетала она, добравшись до койки и схватив вещмешок, затем опустилась рядом с волхвом на колени и протянула ему. – В такой-то момент!

Молча Олег выхватил у Люсиль сумку, его пальцы быстро нащупали внутри нужный мешочек. Вынув его, волхв разом высыпал в рот белый порошок, солоноватый, гадкий вкус растекся по языку, Олег скривился, но проглотил всухую.

– На всякий случай, – пробормотал он.

Глаза Люсиль растерянные и перепуганные.

– Что? Что это? Что происходит? – запричитала она. – Пастор Олег, там команда всполошилась! Все бегает, капитан Патрик такой злой и кричит. А эта белобрысая пигалица зачем-то украла единственную шлюпку!

Тело еще вялое, но сила быстро возвращается в мышцы. Белый порошок довершит битву с «ведьминым наперстком» в его внутренностях. Теперь двигаться надо больше, чтоб гонять кровь и переливать мощь по конечностям. Полезный порошок у него получился. Он его приспособил для чистки наконечников стрел, но супротив некоторых хворей тоже помогает.

– Пастор Олег, ну что же вы молчите! – всхлипнула Люсиль и заломила руки в истерике.

– Думаю, – хрипло, отозвался Олег и напряг конечности, чтобы подняться.

В вертикальном положении, да с качкой его тут же потянуло вбок, Олег на заплетающихся ногах пробежал к стене. Его об нее ударило, но Олег удержался вертикально и упорно двинулся к выходу.

– Куда вы, пастор Олег? – вскрикнула Люсиль за спиной. – Там очень страшно!

Олег сглотнул пересохшим ртом, язык оцарапал небо.

– Не люблю, когда страшно, – хмуро сказал он и шагнул из каюты.

Глава 6

Олега шатало и било об стены, пока пробирался по коридору к лестнице. Поднимался на четвереньках, а когда ступил на палубу, прямо в лицо ударила волна с такой силой, что его кубарем скатило обратно. Олег стиснул зубы и снова полез наверх.

Мокрый, как волк осенью, Олег выбрался. Палуба явилась печальным зрелищем – перепуганные матросы бегают, поскальзываются на влажных досках, одни пытаются привязать канаты парусов к мачтам, чтобы те не болтались, другие кричат и держатся за борта и пеньковые лестницы, спасаясь от гигантских волн. Те раз за разом обрушиваются на судно, норовя утопить его и утянуть на морское дно, где таких кораблей, наверняка, полно. На мостике капитан Патрик вцепился в штурвал, на лице злая радость, весь мокрый, расставил ноги широко для упора и орет в ярости:

– Не бойсь, сухопутные крысы! Прорвемся! И не такие шторма видали! Эй, убрать паруса!

Черное небо пересекают яркие полосы молний, грохочет утробно и раскатисто, волны гигантскими горбами перекатываются прямо за бортами, иногда вода заливают палубу. Ветер завывает, но по звуку Олегу померещилось, что это лишь начало. Если дальше шторм грянет по-настоящему, их суденышко потопит, и даже щепок не останется. По спине волхва прокатилась неприятная волна холода. Стать кормом для страшных глубинных рыб, так и не сделав великого дела для человечества – позорно. А у них еще и зубы большие, кусают больно.

Цепляясь за веревки и борта, Олег пробрался к мостику и поднялся к капитану. Тот мокрый и почему-то скалится злой радостью.

– Не ввали чайки? – прокричал Олег, перебивая шум волн и ветра.

Капитан повернул к нему голову, при этом глаза продолжили яростно всматриваться вперед, где на судно несется очередная волна.

– Выходит, не ввали! – проорал он в ответ и развернул штурвал, судно споро взобралось на вершину. – Впервые в жизни!

– Ой ли! – крикнул Олег и вцепился крепче в бортовой канат.

Капитан Патрик все с той же бодрой яростью отозвался:

– Вот те зуб! Ни в жизни правду не предсказывали! Ничо! Пройдем! Что я, не штормовал что ли!

Олег спросил с недоверием:

– Штормовал?

Капитан кивнул и вытер мокрое лицо о плечо.

– А то! Эт мы еще хорошо заметили! Налетел первый шквал, сразу паруса убрали и сменили курс. Да только шторм как живой – раздулся, и за нами.

Чутье Олега снова шевельнулось, не зря ему чудится, что слишком много мощи кроется за этой непогодой. Он нахмурился – боги живут только там, где в них верят. Стало быть, моряки верят, а потому питают силу древнего божества. Он спросил:

– А куда идем?

Капитан Патрик указал взглядом в сторону.

– Вон гляди, справа небо светлее! Обойдем шторм краем! А то слева, гляди, тьма какая. У меня колени дрожат, как у корабельной крысы!

Взор Олега сперва устремился к мелькающему среди горбатых волн вдаль бирюзовому пятну, там действительно можно пройти спокойнее. Дело остается только за тьмой, которая настигает с другой стороны. Там, за левым бортом черная туча поглотила небеса, волны, как древние чудовища, показывают спины, а пена на их гребешках сверкает голодным оскалом.

– Негодует бог моря! – прокричал капитан Патрик и захохотал, резко крутанув штурвал.

Верят моряки в морских богов. Так верят, что дури у последних столько, что иные сухопутные боги позавидуют. Вода неизведанная стихия, океаны непознаны, а моря – даже если исплаваны, то все одно – хранят тайны, которые молодому человечеству в ближайшие века не разгадать.

Утерев мокрое лицо локтем, Олег крикнул капитану в ответ:

– Бог, говоришь?

Улыбка капитана заиграла злобной радостью сильнее, он кивнул, Олег, скользя ногами по мокрым доскам ухватился за бортовой канат и двинулся к носу корабля.

Из-за спины сквозь рев стихии донесся крик капитана:

– Эй! Куда! На нос нельзя!

Олег продолжал пробираться к только ему понятной цели.

– Стой... – снова донеслось от капитана Патрика. – Там опасно...

Олег прохрипел себе яростно:

– Везде опасно. Да от вас разве отбрыкаешься...

Мощная волна обрушилась на палубу и смыла пару деревянных коробов, один из матросов, которого Олег секунду назад видел, тоже куда-то делся. Сам волхв держится за канат так крепко, что даже Ящер не оторвет. Но так пробираться к носу долго, потому, схватив конец каната рядом с мачтой, Олег пронесся на нем над палубой и прыгнул на самый нос.

Качает здесь с такой мощью, что вся галеонная фигура в виде женщины время от времени целиком уходит под воду. Море вокруг бурлит, хищные водовороты и волны раскрывают черные пасти, норовя проглотить хлипкое судно. Олег убрал с глаз мокрые волосы и бросил опасливый взгляд в бездонную черноту моря, оказаться в ней и в спокойное время неприятно – кровожадные рыбы в его глубине не дремлют. А в такую погоду самое то быть на берегу. Но время не ждет, а после попытки отравления совсем ясно – дело важное и Меч надо найти. Желательно раньше тех, кто послал Шарлотту.

Олег ухватил край бортового каната и обвязал его вокруг пояса, если смочет – сможет выбраться, и прокричал во тьму моря:

– Назовись мне и я тебе назовусь!

Море зарокотало утробно, словно гигантское глубинное чудовище, заворочалось и стало подниматься к поверхности. В небе блеснула кривая молния, загредело, словно раскаляется на части, а в грудь Олегу ударил ветер, пришлось ухватиться за борт. Море продолжало кипеть, ужасающий рокот звенел в ушах, совсем рядом с судном вода забурлила и начала подниматься столбом, рассыпаясь брызгами и пеной. Голос, который раздался будто бы отовсюду, сотряс внутренности, воздух задрожал, Олег поморщился.

– Кто ты, недостойный криль, посмевший заговорить со мной так дерзко? – прогудело над морем.

– Скромный пастор, которого оторвали от глубоких раздумий, – отозвался Олег.

– Мне не ведомо, что за пастор! Говори с богом как положено!

В лицо Олега ударила соленая вода, он отплевался и сообщил:

– Пастор вроде волхва, только волосы остригает. Но я не остригаю, с ними теплей.

Столб воды перед Олегом все рос и ширился, пока из него не выступила громадная фигура, целиком сотканная из воды. Руки как стволы дубов, перетянуты тугими мышцами и сверкают чешуей, борода и волосы из пены вздымаются на волнах, лицо грозное, глаза – как два провала в морском дне. В одной руке чарка, в другой – острога о пяти зубьях. Но мелькнуло в облике божества что-то смутно знакомое.

Об этом боге Олег слышал, возможно, видел, когда поднимались по великому Дереву с Мраком и Таргитаем. Но столько времени минуло, да и божество изменило вид. Не узнать.

– Как смеешь ты говорить со мной так дерзко? – громогласно потребовал от Олега бог морей.

– Ты бурю устроил и не даешь добрым людям пересечь море. Как мне с тобой еще говорить? Я даже имени твоего не знаю, уж не серчай.

Ветер завыл так протяжно, что сердце зануло от необъяснимой тоски, а душа застонала. Снова громыхнул раскат.

– Я великий бог морей! – прогудело божество. – Имен моих не перечесать! А ты, недостойный криль, коли отправился морем, должен знать, кому поклоняться.

Олег тяжело вздохнул, соленые капли попали в горло, он прокашлялся.

– Не гневись, божество, – обратился он к морскому богу, – но уходят времена, когда люди кланялись богам. Да и боги уходят. Ты, наверное, один из немногих, кто остался.

Яркая вспышка молнии на секунду озарила корабль и все море, грозные глаза божества сверкнули, следом раздался раскат.

– Великий бог морей Переплут никогда не уйдет, глупец! – гулко пророкотал он. – Люди всегда будут ходить по морям! Всегда будут молить о попутном ветре и спокойной воде!

Пока бог морей говорил, судно взобралось на высокую волну и, перевалившись через вершину, с пугающей скоростью понеслось вниз под следующую волну, которая надвигалась страшной темной стеной. В лицо Олега ударил новый поток ветра, а с капитанского мостика раздался яростный крик капитана Патрика:

– Держись, ребята!!!

Судно закрипело, мачты застонали, словно девы, молящие о милосердии во время нашествия гуннов, левый борт и нос, где закрепился Олег, залило водой, страшно закричали матросы.

– Человек за бортом!

– Канаты вводу!

– Хватай!

– Вира! Вира!

– Порядок! На борту!

Нос корабля вынырнул, Олег отплевался от воды и крикнул морскому богу:

– Кто же тебе будет молиться, если всех моряков потопишь?

Морской бог грозно хохотнул, воздух сотрясся от грохота.

– Пуцай яростней молятся! А то мне не слышно!

– Твой грохот сам Позвизд не переорет, – проорал Олег в лицо божеству. – Пропускай нас! Тогда, так и быть, сохраню тебе жизнь.

Хохот бога морей стал громче.

– Ты? Мне? Кто ты такой, чтобы обещать мне такое? Я жил, когда тебя еще в помине не было, и буду, когда кости твои обратятся морским илом.

Олег покачал головой.

– Да мне и самому горько, – сказал он громко, – я с вами с младенчества. Но мир меняется, морской бог. Скоро таким, как ты, в нем не останется места.

– Не вы, так другие! – с тем же громогласным смехом отозвался бог моря, но Олегу померещилось сомнение в его голосе.

Послышался крик, оглянувшись, Олег увидел, как на него, уцепившись за канат, летит матрос, в глазах ужас, истошно вопит, а с одежды льется вода. Разумнее отойти в сторону, пускай себе летит, но Олег натужно выдохнул и все же выставил руку, поймав матроса. Он приставил моряка к борту и наказал:

– Крепче держись.

Затем обернулся и прокричал уже божеству:

– А кто другие? Много ль в мире народов, которые поклоняются морским богам?

– Всем нужно ходить через великие воды морей!

Олег скривился.

– Да? Мне вот по суше привычнее. На крайний случай по дону. По реке в смысле. Прежде всякую реку доном звали... Даже город основали в его лоне. То есть устье.

Матрос под бортовым канатом сидит бледный, на лице благоговейный ужас, этот день он запомнит на всю жизнь, будет рассказывать детям, внукам и правнукам, как попал в бурю великого Переплута.

Он пискнул, ошалело ворочая глазами:

– Пастор, ты про Лондон, что ли?

Олег отмахнулся от него, как от навязчивой мухи.

– Дон, дон... – проговорил он. – Вроде, этого бога в других землях тоже Доном звали... Дон... Посевающий большую воду, Посей Дон...

Морской бог загудел, небо затряслось, ветер свистнул так, что заложило уши.

– Не учтив ты, криль нелепый, – проревел он и поднес чарку к губам, словно собирается отпить. – Наказать тебя надо.

Набрав воздуха в могучую грудь, божество подуло во всю мощь на поверхность чарки. С нее сорвалась пена и понеслась на корабль, увеличиваясь и ширясь с каждым мигом.

– Полундра! – закричал кто-то из матросов.

Палуба вмиг опустела, даже те, кто оставался держаться за канаты, попрятались в трюмы. Остались только капитан Патрик, обмерший в священном ужасе матрос и Олег.

В груди Олега шевельнулся постыдный соблазн бросить судно, бросить команду, капитана Патрика и красавицу Люсиль, вернуться в уединение и махнуть рукой на весь люд. Если человечество не желает отринуть прошлое, так может, и место ему в прошлом. А в будущее пойдут лишь те создания, которые готовы и желают расти, а не уповать на волю богов. Эти матросы ничем не лучше тех, что были сотню или тысячу лет назад. С другой стороны, когда они втроем с Мраком и Тархом вырывали у гномов и других рас право на жизнь всего рода людского, Олег верил, что у человечества есть будущее. Возможно, оно все еще есть. Надо лишь подтолкнуть, заставить вылезти из гнезда. Иногда это неприятно, но необходимо.

Перед тем, как сделать глубокий вдох, Олег обернулся к матросу и приказал:

– Вдохни и держись.

В тот же миг на судно обрушился вал пены, легкой, густой, корабль совсем не держит, и он разом провалился в водяную яму. Матрос набрал воздуха, выпучив глаза, забарахтался, но плыть в пене невозможно.

Олег задержал дыхание, делать это научился давно, в тех же землях, где и освоил сердечное мастерство. Но дыхание хоть и замерло, в пене все одно ничего не видно. Осерчав, Олег обратился к тому, чего делать уже не желает, ибо это прошлое. А ему положено зреть в будущее и там создавать счастье человечеству. Действовал волхв молниеносно – на судне люди и одна женщина, а задерживать дыхание они, к его досаде, не умеют. Пальцы мигом развязали узлы каната, что удерживал его на палубе, и Олег нырнул вперед напрямик в черную бесконечную воду.

Тревожная и плотная, она обожгла его холодом, обступила со всех сторон, тьма потянула вниз, в самые недра, откуда нет спасения, и только страшные глубоководные твари рыщут по дну в поисках живого мяса. В другой стороне иногда мелькают белесые вспышки – молнии, что значит – там поверхность.

Олег раскинул руки и позволил морю объять его. Сердцебиение медленно, но верно обрело спокойный ритм, дыхание все еще замеревшее, а при его мастерстве этого хватит надолго. Вода обжигает холодом, тело качается в толще, как выброшенная с корабля сеть. Олег расслабился еще больше, вода проникла в кожу, кости, достигла самого нутра. Сердце волхва забилося в едином ритме с океаном, он услышал прибой где-то за сотни верст, почуял, как здоровенная рыбина поедает другую – жестокий, но важный этап в жизни всех живых существ,

уловил дыхание подводных гор, что выпускают серу и угарный газ. Он в воде, а вода в нем. Теперь он и есть море. А коли так, то не станет топить корабль, на котором идет.

Переместив руки перед собой, Олег перевернул ладони вверх и сделал усилие, словно поднимает что-то. Мышцы напряглись, руки загудели, кровь по венам потекла быстрее, а пульс участился, словно он и в самом деле поднимает на собственных руках целый корабль.

Чем выше он вздымал руки, тем сильнее гудели мускулы, донесся стук, похожий на удары молотков на пристани, через миг Олег понял – это стучит у него в висках от натуги. Руки быстро немели, если не поднять судно сейчас, то уже не получится. Олег напряг все тело разом, жилы затрещали, в воде появился соленый привкус – носом пошла кровь. Из всех сил он совершил мощный рывок, и вода вокруг загудела, будто десятки подводных рыбин разом запели брачную песню, а судно с громогласным всплеском вырвалось на поверхность, как гигантский поплавок. Олег вынырнул следом.

Море все так же яростно волнуется, беспощадные волны сталкиваются с ветром и страшно гремят. Спасенное им судно окутано голубым свечением и будто чуть парит над беспокойными водами.

– Как ты посмел!.. Как ты смог!.. – прогудел морской бог, провалы его глаз распахнулись в гневе и непонимании. – Ты же просто человек!

Гигантская волна, в центре которой висел Олег, поднялась над судном и обрушилась прямо по левому борту, Олег успел ухватиться за свисающий с него край каната и вскарабкался на палубу. Капитан Патрик все еще на капитанском мостике, вцепился в штурвал мертвой хваткой, похоже, даже погружение в морскую пену его не напугало – вода с капитана льется ручьями, лицо блестит от воды, губы кривятся в улыбке, похожей на оскал.

– Держись! Сухопутные крысы! Старый морской волк еще сгодится! – прокричал он.

– Обезумел, – заключил Олег и обернулся к морскому богу со словами: – Человек хоть и мал, но воля его сильна. Да, он зависит от веры. Но веры в себя. А вы, боги, живы только из-за веры в вас. Так что без человека вам никак.

– Я могу прямо сейчас пустить вас ко дну на корм рыбам! – прогудел морской бог, грозно потрясая острой.

Олег пожал плечами.

– Может, можешь, – предположил он. – А может, нет. Но ты уверен, что с этого будет толк? Вон погляди, они тебя даже не видят.

Олег кивнул в сторону капитана Патрика и продолжил:

– Он сражается со стихией, со штормом, а вовсе не бьет челобитные тебе. Тебя ждет если не забвение, то слабость. Наверное, ты это сам понимаешь.

Глаза морского божества полыхнули молниями, лицо озарилось яростью и гневом, могучие пальцы стиснули острогу. Олег приготовился к его атаке, натренированное битвами и странствиями тело напряглось, он согнул руку в локте, чтобы в нужный момент выбросить вперед и пустить из пальцев столб магии, выставляя щит. Давно он не применял эти умения, потому как если решил, что человечеству нужен иной путь, значит, сам должен быть примером. Но сейчас тот случай, когда приходится пойти на уступки перед собственным решением.

Небо завывало, волны загудели протяжно и жалобно, как раненый зверь в последний миг жизни. Но в один момент все затихло. Ветер ослаб, волны улеглись, только небо все еще черное и нависает низко, угрожая прорваться обильным дождем. Морской бог тяжело вздохнул, руки опустились, острога погрузилась в воду, а чарка опрокинулась, заливая водную гладь густой пеной. Переплут как-то весь осунулся, хотя все еще выглядел грозным и могучим, но из него словно ушла ярость, остались усталость и немой вопрос.

– Понимаю, – с печалью в голосе произнес он. – И потому учиняю шторма с непогодой. Чтобы помнили, чтобы знали...

Тучи постепенно стали редеть, уже не дегтярно-черные, а всего лишь черные, как смола. Олег повел носом, как старый пес, воздух свежий, соленый.

– Понимаю, – сказал Олег. – Время идет, каждый день мы уже чуть иные, чем вчера. Боги незыблемы, пока их не низвергнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.